

A romantic close-up of a bride and groom. The bride, on the left, wears a white wedding dress and a sheer veil, her eyes closed in a peaceful expression. The groom, on the right, has a beard and is wearing a dark suit with a white shirt and a light-colored tie. They are positioned very close together, their faces nearly touching, suggesting an intimate moment. The background is softly blurred, showing hints of greenery and warm, out-of-focus lights, creating a dreamy and romantic atmosphere.

Всегда выбирай любовь

Муж
для дочери Карабаса

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет

Наталия Миронина

Муж для дочери Карабаса

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Муж для дочери Карабаса / Н. Миронина — «Эксмо»,
2017 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-699-99319-2

Леонид Хитров не знал, что сосед по даче Мезенцев выбрал его в мужа для своей дочери Ольги, повернув дело так, будто Хитров сам сделал этот выбор. Не знал о рискованных бизнес-операциях, в которые ввязывался теперь уже его тесть. И тем более не предполагал, что сбежавшая с собственной свадьбы Вика, которой он начал покровительствовать и в которую потихоньку влюблялся, совсем не та, за кого себя выдает. Да, баловню судьбы Леониду не позавидуешь, в переплет он попал нешуточный. И, что самое обидное, он ведь действительно любил жену! Или это только казалось?..

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99319-2

© Миронина Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Близкие соседи	10
Глава вторая. Немного семейной истории	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталия Миронина

Муж для дочери Карабаса

© Миронина Н., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Свадебное платье было длинным, белым, без излишеств. Без розочек, пышного кружева и атласного шлейфа. Плечи, спина и грудь были приоткрыты, но никто не назвал бы декольте неприличным. Даже наоборот, невеста, бережно завернутая в тонкую ткань, выглядела трогательно. На голове у нее не было фаты или шляпки, лишь небольшой белый цветок, подчеркивающий блеск черных волос.

– Объявляю вас мужем и женой! – раздался голос сотрудницы загса. И многочисленные гости, столпившиеся сзади у стены, оживились, задвигались, кто-то даже похлопал в ладоши.

– Ну, вот, – смущенно промолвил новоиспеченный муж и посмотрел на свою жену.

– Ага, – отозвалась та.

– Вика, ты моя жена, – повторил громче муж.

– Да-да, слышу! – Вика оглянулась на гостей, которые торопились выйти из зала. Слышалось шуршание пакетов и звон бутылок с шампанским.

– Послушай, я тебе хочу что-то подарить. Мне кажется, ты хотела этого... – Муж вложил в ладонь Вики ключи.

– Что это?

– Это ключи от машины. Она – твоя. Понимаешь, совсем твоя. Документы найдешь в «бардачке». Я переписал ее на твое имя.

– Зачем ты это сделал?! – ахнула Вика, в растерянности глядя на ключи. Она только однажды вежливо похвалила аккуратную, не очень новую машину Антона. Ее слова были, скорее, данью вежливости. И Антон, как всегда, понял все по-своему. Он, по мнению Вики, был большим путаником – так часто принимал все за чистую монету, так часто был наивен и безнадёжно прекрасодушен, что это приводило к массе нелепых недоразумений. Таких историй была тьма. А их сегодняшняя свадьба – лишь один из подобных примеров.

– Так зачем ты это сделал? Зачем мне машина? – Вика с отчаянием зазвенела ключами. Теперь надо было Антона благодарить, даже броситься на шею, чтобы ему было приятно, чтобы все увидели, какой он внимательный, добрый, щедрый...

– Да, ладно! – отмахнулся Антон. – Зачем мне эта развалюха? Мне сейчас машина ни к чему. Куда я буду ездить – мне до работы пять минут пешком. А тебе пригодится. Ну, мало ли какие дела. И вообще.

«И вообще», – вздохнула про себя Вика. Ей казалось, что над ней навис колпак, который вот-вот опустится на землю и очертит тот самый магический круг, за который она, Вика, уже никогда не переступит.

– Где вы там?! Напитки греются! – Им уже кричали с крыльца. Родственники и гости сбились в плотный шумный ком, подставляя мнущиеся пластиковые стаканы под неровные струи шампанского.

– Мы идем, идем, – заторопился Антон и потянул Вику за собой. Они вышли на крыльцо.

– За молодых! За вас! Ой, побольше счастья и детей! За все хорошее! Горько! – звучало со всех сторон.

Вика и Антон громко благодарили.

– Вон, видишь? Вон твоя машина стоит! – Антон, румяный и довольный, указал в угол двора.

– А, ну да... – Вика покачала головой.

– Я ее на сервисе проверил, бензин залил – бак полный, в мойку сгонял, даже пропылесосил. Так что, как новая!

– Спасибо... – Вика хотела что-то еще сказать, но в этот момент к ним подскочила толстая родственница и завершала:

– А выкуп-то не заплатил, не заплатил! Что же делать будем?! Смотрите, какой хитрый! И, обращаясь ко всем, провозгласила:

– Сейчас в ресторане на выкуп будем собирать!

Все загалдели, переливисто зазвучал аккордеон, который прихватили на всякий случай, и все было двинулись в сторону улицы.

– Антон, говоришь, ты ее помыл и пропылесосил? – уточнила Вика, глядя на машину.

– Да, считай, новая. Ну, конечно, не совсем, но тебе понравится...

Вика посмотрела на толпу родственников и попросила мужа:

– Можно я прокачусь на ней?! Немного! Прямо сейчас?

– Сейчас? Ты хочешь сказать, прямо вот сейчас?

– Ну, да, а что?

– Да нет, платье... Оно белое, вдруг испачкаешь, а еще в ресторан идти.

– Брось, ничего с этим платьем не случится. Я быстро.

И не успел муж ответить Вике, как она уже бежала к машине.

Подобрав подол, она устроилась на водительском месте, посигналила всем долгим гудком и лихо тронулась с места. Сделав круг по двору загса и сорвав оглушительные аплодисменты присутствующих, Вика подрулила к воротам, еще раз нажала на сигнал и после этого выехала на оживленный проспект. Влившись в поток, она бросила взгляд на маленькие часики, с которыми не рассталась, даже надев свадебное платье. «У меня всего пятнадцать минут – заскочить домой, взять деньги, джинсы, свитер, куртку. Переоденусь потом, в дороге».

Леонид сидел под большим зонтом и морщился. Место встречи, которое он выбрал, было неудобным. Какое-то неопрятное придорожное кафе, пыль, шум, официантка в лосинах и пластиковые цветы, увивающие деревянные балясины веранды. С заднего двора пахло шашлыками. Оттуда же доносились резкие выкрики: «Ты сказал?! Я сказал?! Никто не сказал?! Зачем врешь, вах?!»

Леонид в очередной раз поморщился, нетерпеливо покачал ногой в дорогом шегольском ботинке. На это его движение откликнулся лежащий на земле шелудивый пес. Он поднял морду, прищурился, зевнул и отвернулся. Леонид совсем скривился. Животных он любил с детства. «Жаль тебя, но куда же я тебя возьму? – грустно подумал Леонид. – И что с тобой делать потом. Я же на работе целыми днями!»

Эти размышления отвлекли его от долгого ожидания. Человек с документами задерживался, но переговорить им надо было во что бы то ни стало. «Я тебе сейчас шашлыка куплю. Хоть накормлю!» – решил Леонид и сделал знак официантке.

– Так, мне две порции... – начал диктовать он, но в это время раздался шум подъезжающей машины, и Леонид отвлекся.

– Шашлыка две порции. Без ничего, – продолжил он через мгновение, – ...потом принесете, у меня сейчас разговор важный...

Но из подъехавшей машины вышел вовсе не тот, кого ждал Леонид. Открылась дверь, и появилась девушка в свадебном платье. Не обращая внимания на изумленные взгляды, невеста хлопнула дверью машины и прошла на веранду.

– Принесите, пожалуйста, воды, кофе и что-нибудь сладкого, – попросила она.

– Что именно? – растерянно спросила официантка.

– А что есть?

– Медовик. Сами делаем.

– Не отравлюсь? Давайте, – согласилась девушка. Она села за стол, внимательно осмотрела пол, потом расстелила под ногами бумажную салфетку и скинула туфли на шпильках.

Воцарилась тишина. Пес с интересом разглядывал вновь прибывшую.

– Вот, вода, кофе. Ваш десерт. – Официантка побила все рекорды скорости обслуживания. Одновременно с ней появились еще две тетki, которые сделали вид, что наводят порядок на соседних столах. Резкие выкрики тоже стихли – мимо веранды продефилировали суровые мужчины. Каждый из них бросил на девушку с голыми плечами пламенный взгляд.

Девушка залпом выпила воду. Потом чуть отдышалась и принялась за торт.

Леонид забыл, зачем он здесь сидит уже битый час. Он наблюдал за невестой, которая сидела босиком и уплетала медовик.

– Простите, я сейчас просто подавлюсь, – наконец произнесла девушка, – хватит того, что эта псина на меня смотрит.

Собака все поняла правильно. Она встала из пыли и, удостоверившись, что официантки на веранде нет, подошла к девушке.

– Ты что же, сладкое любишь? – Девушка отломала еще один кусочек, а остальное поставила перед собакой. Собака внимательно понюхала торт, лизнула, потом, деликатно наклонив голову вбок, съела остатки медовика.

– Все, кофе я выпью сама. Иначе не доеду. – Девушка с наслаждением отпила из чашки.

– Вы, по всей видимости, спешите на свадьбу? – не выдержал Леонид. Явление невесты, красивой, грациозной, и вместе с тем такой деловой, заставило его нарушить собственные правила – держаться с незнакомыми людьми настороже.

Девушка ответила не сразу.

– Я даже не знаю, как вам ответить. Врать не хочется, правду скажу – осудите.

– Почему же?! Что, я не понимаю, что обстоятельства разные бывают?

– Понимать – все понимают. Но как до дела доходит, все упираются как бараны или ослы. И, кроме себя, никого не слышат и не видят.

– Это вы о чем? И кто баран? – Леонид на всякий случай принял холодный вид.

– Я о людях вообще, – пояснила девушка, – а со свадьбы я сбежала.

– А. Ну. Что ж. – Леонид растерялся.

Расспрашивать было страшно – девушка могла отбрить. В ее голосе, помимо усталости, была какая-то суровая решительность. «Видимо, с женихом повздорили», – «проницательно» подумал Леонид и деликатно спросил:

– Вы случайно не по Егорьевскому ехали? Машин там много? Я уже второй час жду человека. И телефон его не отвечает...

– По Егорьевскому. Машин не очень много. Сейчас будет ваш человек, – ответила девушка. Она закончила пить кофе и откинулась на спинку кресла.

Леониду вдруг стало ее жалко. Что-то несчастное было не лично в ней, а в самом образе сбежавшей невесты. «Но мужу или жениху сейчас еще хуже, наверное! – мысленно одернул себя Леонид. – Хотя, может, и заслужил». Впервые за долгое время ему была любопытна чужая история.

– Вам помощь не нужна? Может, с машиной что... Или... ну, я не знаю... Вы скажите... Может, вас преследуют... – спросил он, понизив голос.

– Пока не преследуют. Да, надеюсь, и не будут. Помощь не нужна. Мне бы отдохнуть, а там я что-нибудь придумаю.

– У вас в Москве есть кто-нибудь?

– Есть. Подруги.

– Этого бывает недостаточно. Нужен еще друг.

– Вы на себя намекаете? – Девушка весело посмотрела на Леонида.

– Ну, а что? – даже обиделся он. – Я же не предложил что-то неприличное.

– Извините. Я действительно устала. День был длинным. Я же успела в загсе побывать.

– Как?! Вас расписали?!

– Ну, да! Хотя я его предупреждала.

– Кого?

– Антона. Жениха. Мужа то есть.

– А как вас зовут?

– Вика. Вообще-то, Виктория, но сами понимаете, Вика лучше.

– А меня Леонид, вот моя визитка. Вы как устроитесь, звоните. Если не устроитесь, тем более звоните.

– Спасибо, – девушка внимательно прочитала визитку, – ого! Вы, оказывается, руководитель департамента!

– Да, – скромно потупился Леонид, – у меня есть возможности.

– Еще раз спасибо, – улыбнулась Вика, – пойду, узнаю, можно ли переодеться здесь.

Она со вздохом надела туфли и, подобрав подол платья, прошла к машине. Вытащив оттуда сумку, она скрылась в здании кафе. Пес, проводив ее, остался ждать у входа.

– А ты думаешь, она тебя возьмет? Нет, братец, ей некуда. Ей, похоже, самой жить негде, – разъярил Леонид собаке.

– Ваш шашлык. – Официантка поставила на стол пластиковую тарелку с кусочками мяса.

– Отлично, сейчас остынет, и мы поедем, – произнес Леонид многозначительным голосом. Пес наострил уши, поднялся со своего места и облизнулся.

Без свадебного платья Вика выглядела маленькой, худенькой и не такой решительной.

– Ты ждешь меня, – она бесстрашно погладила пса по голове, – пока оставайся здесь. Я потом сюда приеду и возьму тебя.

– Не обещайте ему. Он все понимает, – сказал Леонид, – потом будет переживать. Ждать. А вдруг у вас не получится.

– Я постараюсь. Спасибо вам за визитку. Может, позвоню как-нибудь. Если не ответите – не обижусь. Это бывает так. Ничего страшного.

– Отвечу, – серьезно кивнул Леонид. – До свидания. А вы где остановитесь? Какое метро и вообще адрес?

– Я вам сообщу. – Вика махнула на прощание рукой.

Когда ее машина скрылась из виду, Леонид подозвал собаку:

– Вот, ешь. Уже остыло. Только не глотай, а то подавишься.

Пес ел степенно, делая вид, что шашлыком его здесь кормят каждый день.

– Что же это вы? А сами? – Официантка с неприязнью посмотрела на Леонида.

– Я не голодный. А у него бока ввалились. Даром, что при вашем ресторане живет. Хоть бы остатки давали.

– Вот еще! Тогда от них отбою не будет. – Официантка рассердилась. День сегодня был неудачный. Посетителей мало, а от тех, которые были, и вовсе никакого проку. Один деньги на собаку тратит, вторая, одно слово – чокнутая, из-под венца сбежала. Официантка вздохнула – тут, когда седину на висках прядями закрываешь, с кем угодно уже в загс пойдешь, а эти молодые сигают, словно жизнь бесконечна и счастье полными возами по обочинам стоит.

Леонид посмотрел на часы. «Ну его к черту! Не буду больше ждать. Сам пусть приезжает!» – решил он, встал и обратился к собаке:

– Пошли со мной. Будешь у нас дома жить. Там места много. Тебе рады будут. Не то что здесь!

Леонид открыл заднюю дверцу машины и присвистнул. Пес покрутил головой, отгоняя сомнения и распространяя вокруг себя пыль и запах псины, деликатно устроился на кожаных подушках.

Официантка, оставшаяся в одиночестве на веранде и наблюдающая за ними, шмыгнула носом. Все уезжали, она оставалась.

Глава первая. Близкие соседи

Когда-то у него не было ничего, кроме красивого лица и умения отлично играть в теннис. Нет, правда, были еще кое-какие «мелочи», вроде диплома об окончании исторического факультета МГУ, свидетельства об окончании курсов английского языка и еще пары-тройки незначительных справок и аттестатов. Но до сих пор всем этим Леонид особенно не пользовался. Обаятельная улыбка и отличная подача справа – вот, что неизменно приносило ему удачу.

Вряд ли его родители Мария Петровна и Сергей Николаевич Хитровы думали, что из всего того, чему они с малолетства обучали своего сына, пригодится ему, в конце концов, только умение играть в теннис.

– Леня, у тебя же такой диплом! Такая тема! – сокрушалась Мария Петровна, когда сын вдруг бросил историю и стал заниматься делами, с наукой совсем не связанными.

Сергей Николаевич больше помалкивал и в глубине души тоже жалел, что жизнь заставила сына отказаться от научных изысканий. «Леня – парень у нас хороший. Но самоотречение ради кропотливой и невидной исследовательской работы – не его черта характера!» К тому же Сергей Николаевич понимал, что денег много история не принесет, а вот семью, которая рано или поздно появится, кормить сыну будет надо.

Семья появилась очень скоро. История отношений Леонида с Ольгой Мезенцевой заслуживает отдельного внимания и подробного рассказа.

Хитровы и Мезенцевы были давними соседями по даче. Их садовое товарищество свою историю начинало еще в середине восьмидесятых годов, когда действовало множество запретов. Например, нельзя было иметь дом в три этажа. Хитровы все это запретами не считали. Им казалось, что так и должно быть, и собственно, почему должно быть иначе. Тот, кто установил такие порядки, руководствовался, по их мнению, важными государственными соображениями. Оттого, что Хитровы принимали все как данность, жили они легко, свободно, получая удовольствие от нехитрых садовых занятий. Мария Петровна гордилась урожаями клубники, Сергей Николаевич, мастер на все руки, собирал в лесу деревяшки и украшал участок мудреными скульптурами, имеющими, однако, практическое значение. Все товарищество ходило смотреть узорчатые подпорки для яблонь.

Соседи Мезенцевы были такими же хозяйственными, но вся их деятельность сопровождалась возмущением и непослушанием. Дом Константин Алексеевич выстроил выше положенного и долго препирался с местным начальством по этому вопросу. Когда его все-таки заставили разобрать третий этаж, он все равно умудрился оставить что-то похожее на скворечню. Практической пользы от этой «загогулины» не было никакой, но моральное удовлетворение Мезенцев получил.

Соседи дружили, хотя более разных людей, наверное, и не сыскать. Дело было даже не в характерах, дело было в точке зрения на смысл жизни. Для Хитровых смысл заключался в каждом прожитом дне. Они извлекали из будней все самое приятное, а к неприятному относились с юмором или, на худой конец, философски. Вот, например, прокопали местные рабочие траншею рядом с забором, грунт стал осыпаться, и забор в любой момент мог покоситься. Уже Мезенцевы крик подняли, а Хитровы посмотрели на это дело, вздохнули, приняли срочные и действенные меры в виде укрепления собственного забора и живут себе дальше, не думая о плохом.

– Я не понимаю тебя, Сергей! Почему ты не пойдешь не пожалуешься? Надо же прекратить это безобразие! Надо еще проверить, есть у них на это право и разрешение! – приходил «поднимать волну» сосед Мезенцев.

На что Хитров отвечал:

– Ну, не просто так же прокопали. Не от нечего делать. Провода бросят и закопают. Чего скандалить?

Мезенцев пыхтел, обвиняя Хитрова-старшего в равнодушии и лени. Но Хитров ничего не отвечал, угощая соседа наливкой собственного изготовления.

Можно было привести еще много примеров несхожести этих друзей-соседей, но было нечто, что превращало эти пары в Инь и Ян. Это главное – отношение к деньгам. Всегда, во все времена, Мезенцевы жили в достатке. Всегда у них была хорошая машина, начинали они в семидесятых с новой «Волги» и при удобном случае поменяли ее на редкий в те времена подержанный посольский «Ситроен». Как Мезенцев, по каким каналам и знакомствам достал эту машину – одному черту ведомо. Шубы Вассы Федоровны Мезенцевой, модные сапоги и дубленка дочери, редкие сервизы и золотые украшения, во времена дефицита Мезенцевы дефицита не знали и чрезвычайно этим гордились. Ровно так же, как Хитровы гордились своей жизненной аскезой.

Хитровы жили от зарплаты до зарплаты, приработок и нужных знакомств не имели, а давиться в очереди за импортной одеждой и дефицитными продуктами не считали возможным. Леонид долго пытался понять отношение родителей к этой стороне жизни, но внятного ответа не получил ни разу. Казалось, родители даже и не понимают, что удивляет сына, что именно ему не понятно. Как можно потратить четыре часа на стояние в очереди ради покупки какой-то модной обуви?! В доме Хитровых царила интерьерная скромность – аккуратная, но старая мебель, древние, но всегда чистые занавески, старательно сбереженные кастрюли, сковородки, ложки и вилки. Ко всем предметам относились уважительно и такого понятия, как «надоело, надо выбросить, купим новое» не было. Во-первых, денег лишних не водилось, а во-вторых, не это главное. Главное – книжки, билеты в театр, экскурсии.

Казалось бы, вот он, предмет раздора, но соседи дружили крепко и, что самое интересное, именно богатых и нетерпеливых Мезенцевых тянуло к скромным Хитровым. Словно они желали проверить, насколько преступили черту в своей погоне за благами. Мезенцевы словно бесконечно тестировали, насколько неприлично их желание быть богатыми. И со стороны казалось – Мезенцевы верят, что как только они переступят ту самую черту, так Хитровы, гордые, прямолинейные и честные, с ними рассорятся. То есть это будет знак свыше. И он остановит их, Мезенцевых, падение.

Но Хитровы не ссорились с Мезенцевыми, словно не замечали их растущего процветания, словно не придавали ему значения, но берегли все эти годы простые человеческие отношения. И к тому же иногда еще старались позаботиться о Мезенцевых, приводя тех в недоумение.

– Мария, что ты нам варенье принесла! У нас столько всего, а вы же... – Васса Федоровна Мезенцева дальше не решалась продолжать, и, будучи дамой с гонором, любящая вздыхать по поводу бремени, кое несла на своих плечах, переходила к жалобам на неблагодарный свет: – Хуже всего быть равнодушным человеком. Все шишки – на тебя. Все обижаются на твои слова. А как промолчать, если видишь, что человек глупости делает?

Мария Петровна Хитрова слушала это с затаенной улыбкой и не перечила. Она привыкла к соседке и прощала ей бесцеремонность, нахрапистость и даже грубость. И прощала потому, что в Вассе Федоровне порой вдруг просыпалось что-то восторженное и она начинала цветисто восторгаться лесом, рекой, облаками. Мария Петровна тогда слушала соседку с удовольствием – так образна и хороша была ее речь.

– Васса, как ты хорошо говоришь! А главное, как ты чувствуешь все это! – искренне восхищалась Мария Петровна, потому что сама она была чуть суховата, сдержанна в проявлении чувств и способность подружки к восторгам отмечала как талант.

Дети обоих семейств прошли все стадии отношений. Леонид Хитров был на два года старше Ольги Мезенцевой. В дошкольном и школьном возрасте это не бросалось в глаза. Речка,

лес, бадминтон – все дачные развлечения были общими. Иногда была детская вражда, иногда тесная дружба, порой Леониду казалось, что он влюблен в эту соседскую девочку с серьезными глазами. Но, приехав на дачу после десятого класса, Леонид обнаружил, что его подруга по летним играм Ольга Мезенцева ужасно нехороша. Нет, она не была уродливой, но она выросла некрасивой, неинтересной. И говорить им друг с другом было не о чем – беседа была вязкой, ни о чем, с нелепыми и мучительными паузами. Леонид удивился таким переменам и позабыл о соседке. Тем более что в городе теперь было гораздо больше интересов и дел.

Пять университетских лет пролетели незаметно. Надо было учиться, подрабатывать, чтобы иметь деньги для развлечений и девушек, которых у красивого Леонида было предостаточно.

– Он у нас женится раньше времени! – восклицала Мария Петровна.

Сергей Николаевич не отвечал. Ему не очень нравился образ жизни и частота свиданий сына, но поставить это ему в вину не представлялось возможным. Сын был отличником и успевал заниматься теннисом. Еженедельные тренировки по несколько часов и различные турниры, казалось, Леонид поставил задачу стать профессионалом. Но это только так казалось. Леонид очень быстро понял, что партнер по игре – это, порой, больше, чем партнер. Это возможный помощник, соратник и даже босс. Леонид не был расчетливым и хитрым, он искренне любил эту игру, но на преимущества этого занятия глаза не закрывал. Уже на втором курсе он попал в так называемый «клуб», куда входили не только старшекурсники и аспиранты, но и преподаватели, бывшие выпускники, занимающие теперь вполне солидные должности. Леонида в этом кругу знали как отличного игрока и умного собеседника. Он был приятен, удобен и, что очень важно, надежен.

Как раз перед получением диплома, теплым июньским вечером в «клубе» планировалось сыграть несколько партий.

– Леня, сегодня будем играть парами. Но придет один новенький. Мы его пригласили. Человек хороший, играть, похоже, не умеет, хотя амбиций много. Обижать его не хочется, – сказал Хитрову его партнер, декан одного из факультетов.

– Я вас понял, – улыбнулся Леонид и добавил: – мы умеем достойно проигрывать.

Декан улыбнулся – этот парень был находкой их «клуба». Кому надо – подыграет, кому надо – проиграет, у кого надо выиграет. И все просто, весело, без ужимок. К тому же отличник. Что он с этой своей наукой будет делать сейчас, не очень понятно, но будущее у него есть.

Когда приехал приглашенный партнер, Леонид даже присвистнул.

– Леонид, вы его знаете? – тихо поинтересовался декан.

– Еще бы! Это наш сосед по даче! Даже не сосед – друг. Родители дружат с Мезенцевыми лет сто, по-моему, – ответил Леонид и удивился тому пиетету, с которым все относились к Константину Алексеевичу Мезенцеву.

– Вам повезло с соседом. Очень влиятельный человек. Никаких особых постов не занимает, но деловое чутье исключительное. Из ничего деньги делает. Он нам нужен сейчас.

– Кому нужен? – Вопрос вырвался сам собой.

– Ну, вы же понимаете, преподавательская карьера, она не вечная. А тут вокруг такие дела, коммерция сплошь и рядом, – вздохнул декан.

– Понятно: – Леонид уже пожалел, что задал этот вопрос. И так все было ясно.

При традиционном приветствии Мезенцев энергично потряс руку Леониду:

– Вот это да! Сосед! Да, я слышал, ты в университете!

– Вот, в этом году уже диплом! – улыбнулся Леонид.

– Я заходил к твоим, они ничего о тебе не рассказали.

– Да что рассказывать... – пожал плечами Леонид.

– Леонид скромничает. Он – один из лучших выпускников будет, – вступил в беседу декан.

– Леня всегда был серьезным парнем, – отвечал Мезенцев и, уже обращаясь исключительно к Леониду, добавил: – Мы тут переезжать затеяли. За городом будем жить в особенном таком поселочке. Ты бы в гости заскочил. Я и родителей звал, но они сами не соберутся. Привози их.

– Хорошо, спасибо. А как же дача?

– А что дача? Пусть стоит. Как память нашей тяжелой молодости, прошедшей в вечной борьбе за дефицитные стройматериалы. Может, сдавать как-нибудь будем.

Декан, деликатно отошедший, слышал каждое слово.

Игру они «продули» с очень уважительным счетом. Таким, что Мезенцев даже не догадался, что ему поддаются.

– Ну, вы меня загоняли! Этот черт молодой! Ну, а мы-то с вами ровесники...

– Вы тоже дали нам прикурить, – ответствовал удовлетворенно декан.

– Да, выигрывать приятно, не скрою.

Уже приведя себя в порядок, переодевшись, сидя за столом, куда должны были подать обед, Мезенцев завел разговор о делах. Леонид, которого просто насильно оставил декан, прислушивался, но понимал очень мало. Весь его деловой опыт сводился к халтуре типа написания курсовых, репетиторству, урокам тенниса и редкому посредничеству в покупке автомобиля. Но сейчас речь шла о вещах больших и серьезных.

Обменявшись несколькими фразами с присутствующими, Мезенцев вдруг произнес:

– Ну что мы сейчас после такой приятной игры головы себе будем забивать! Вы приезжайте ко мне, потолкуем в стенах кабинета. Во всех подробностях потолкуем. Леонид, ты тоже приезжай. Ты же в курсе вопроса.

– Да, конечно, Леонид обязательно приедет, – заторопился декан, и Мезенцев понял, что Леонид ничего не знает.

После обеда все засобирались домой.

– За вами водитель заедет или вас подвезти? – поинтересовался декан у Мезенцева.

– Нет, водителя я отпустил. Дочка приедет. Леонид, ты Ольгу-то помнишь?

– Конечно, – улыбнулся Леонид, вспоминая некрасивую и оттого ставшую какой-то тихой соседку.

– Ну, вот и отлично. Она тебя часто вспоминает. Говорит, что детство на даче было счастливым.

– Да, здорово тогда было, – согласился Леонид и отошел, потому что заметил, что декан хочет остаться с Мезенцевым наедине.

Леонид походил по дорожкам сада, позвонил матери, условился со своей девушкой о встрече. «Ну, пора ехать! Зачем ждать эту Ольгу? Мезенцев, как всегда, командует!» – подумал он с раздражением и тут увидел огромный внедорожник, который катился к корту. «Спятели совсем. Сюда же нельзя на машинах!» – подумал Леонид и тут увидел, как машина остановилась, из нее вышла стройная девушка и направилась к Мезенцеву. Поцеловав его в щеку, она протянула руку декану. «Ольга! Это же надо!» – Леонид поспешил поздороваться.

– Ты совсем не изменился! Вот точно такой, как был! – рассмеялась Ольга. – Ужасно рада видеть тебя. Как мама с папой?

– Хорошо, у них все нормально!

– Я ему говорю, – вступил в разговор Мезенцев, – пусть срочно приезжают к нам. Пусть дом посмотрят новый. Мы же сто лет не виделись!

– Точно, это было бы здорово! Мне так хочется с Марией Петровной поговорить, – с улыбкой проговорила Ольга.

– Приеду, – пообещал Хитров. – Адрес давайте и приеду.

Мезенцев быстро продиктовал адрес, все свои телефоны и спросил у Леонида:

– Тебя подвезти?

– Нет, спасибо, я на машине! – Леонид махнул рукой в сторону. Мезенцев с готовностью оглянулся и дотошно рассмотрел подержанную иномарку.

– Ясно, студент-отличник, – с какой-то непонятной интонацией промолвил он, потом повернулся к Леониду: – Короче, ждем. Вот, Ольгу назначаю ответственной за ваш визит. За неисполнение строго со всех спрошу. Ну, что, дочка, повезешь отца?

– Конечно, пап. Ты же устал? – рассмеялась Ольга.

Она лихо запрыгнула в высокую машину и помахала Леониду рукой:

– До встречи.

– Вы знаете, кого я сегодня видел? – Вечером Леонид рассказывал родителям о встрече на корте.

– Оленька! Как она?! – воскликнула Мария Петровна. – Удивительная девочка. Васса не сумела ее сломать.

– В каком смысле? – удивился Леонид.

Мария Петровна замялась – не в правилах их семьи было обсуждать близких друзей.

– Из всех Мезенцевых только ей было все равно, на какой машине ездить, – подал реплику Сергей Николаевич.

– А, понятно. Ну, теперь Ольга ездит на самой дорогой машине, которую можно купить у нас в стране, – рассмеялся Леонид и поведал подробности встречи.

В новый дом Мезенцевых Леонид приехал один – родители передавали друзьям-соседям горячий привет, кучу банок с разносолами и заверения, что обязательно навестят их, вот как только Мария Петровна подлечит радикулит, они соберут клубнику, проводят родственников и тому подобное.

– Ясно, Хитровы не хотят нас видеть! – резюмировал помрачневший Мезенцев.

– Да что вы, они столько расспрашивали, я ваш телефон дал им. Просто маму действительно радикулит замучил. Она хромает и немного стесняется! – разуверил его Леонид. Было видно, что Мезенцев расстроился всерьез.

– Ладно, дом и участок тебе Ольга покажет потом, а сейчас делом займемся, – скомандовал Мезенцев и все, включая опоздавшего декана, прошли в его кабинет.

– Ну, как, папа тебя не умотал разговорами? – улыбнулась Ольга, когда уже под вечер они с Леонидом вышли пройтись по окрестностям.

– Нет, что ты, – отрицательно покачал головой Леонид. – Очень интересно.

Он не кривил душой ради вежливости, разговор, состоявшийся в кабинете, был не очень понятен, но удивителен. Оказалось, что имена многих известных людей Константин Алексеевич произносит просто, словно имена своих приятелей. Оказалось, что нет такой финансовой проблемы, которую нельзя было бы решить. «Только, понимаете, услуги такого рода дороги. Интересы людей надо уважать!» – веско пояснил Мезенцев. Декан кивал и потирал ладони. От его солидности и вальяжности, которая так бросалась в глаза в стенах аудиторий, ничего не осталось. Вместо них появились чрезмерное внимание и зависть. Зависть сквозила в том, как декан осматривал кабинет Мезенцева. А кабинет поражал воображение, тяжелая кожаная мебель – кресла, диваны, подставки под ноги. Огромные, в высоту стены, книжные шкафы с удивительными стеклами, словно переплетенными золотыми нитями. Портьеры, подушки темных, коричневых тягучих оттенков. Но Леонида более всего восхитил стол, за которым сидел Мезенцев. Стол был огромен и все в нем было от историй об обитателях зловещих замков. Массивные ножки-лапы, головы чудищ по углам, тумбы, отделанные темным металлом.

– Стол рассматриваешь? – заметил взгляд Леонида Мезенцев.

– Да, отличный стол!

– Стоит, как вся эта мебель, – с детским восторгом поделился Константин Алексеевич. – Мебельного коллекционера уговаривал продать, еле уговорил.

– Величественная вещь, – польстил сразу и столу, и хозяину кабинета декан.

– Ну, всегда хотелось такой иметь, – признался довольный Мезенцев. – Еще студентом мечтал... Ну, возвращаясь к нашему разговору, хочу сразу же сказать...

И Мезенцев хорошо поставленным голосом принялся излагать план действия, который приведет к желаемым результатам.

Леонид уже понял суть просьбы декана и теперь старательно слушал, но его отвлекали детали. Имена известных людей, название известных фирм, упоминание документов и постановлений. Потом неожиданно разговор перешел на выборы в Госдуму, и тут уж Леонид совсем потерял нить разговора. Он сначала попереживал, а потом исподтишка стал рассматривать предметы в комнате и думать об Ольге. Вчера она его удивила – словно он встретил человека незнакомого, но ужасно похожего на старинного друга.

– Так, ну вот, вроде коротко... А там будем смотреть, – донесся тут до Леонида голос Мезенцева.

Леонид очнулся и привстал с кресла.

– Да, Леня, походи к Ольге. Она в саду. Все с тобой хочет о даче потолковать. А мы тут еще немного поболтаем и будем обедать. Васса Федоровна сейчас закончит творить и позовет всех к столу. Она что-то там затеяла серьезное.

Леонид послушно встал и вышел. Ему на миг почудилось, что Мезенцев его начальник.

Через пятнадцать минут Леонид и Ольга прохаживались между ровными, как плитки шоколада, клумбами.

– А мама теперь все больше пишет, – рассказывала Ольга. – Нет, садом она увлекается тоже, но в доме у нее теперь есть свой кабинет, она там работает ровно три часа. Каждый день. Три часа. При любых обстоятельствах.

– Работает? – переспросил Леонид.

– Ну, да я же тебе рассказываю! Мама книжки пишет. Художественные. Разные. Но все больше про семейные отношения.

– А как это вдруг случилось, что Васса Федоровна стала писать книги?

– Даже не знаю, понимаешь, когда мы сюда переехали, здесь, в старом доме, нашлась печатная машинка. Папа хотел выбросить, а мама сказала, что не надо, мол, в хозяйстве пригодится.

– И что?

– Вот и пригодилась.

Леонид внимательно посмотрел на Ольгу. Та улыбалась.

– А Константин Алексеевич не работает? – спросил Леонид.

– Работает, но на службу не ездит, – сообщила Ольга. – А еще папа обустроивает участок. Вот здесь будет озеро. Отец сказал, что станет сам заниматься им. Где-то он вычитал про такое.

– Здорово. – Леонид рассеянно кивнул.

– Да нет же! – воскликнула Ольга и остановилась. – Ты меня совсем не слушаешь. Ты думаешь о своем. Может, просто посидим, помолчим. Или один хочешь остаться?

Леонид наконец очнулся от своих мыслей и поднял на нее глаза. Перед ним стояла та самая девушка, которую он запомнил некрасивой, смущенной, неповоротливой. Она и осталась некрасивой. Черты лица не поменялись, были такими же резкими. Остались прежними глаза – большие, спокойные. Остались прежними волосы – густые, чуть волнистые. Осталась прежней фигура – худощавая, спортивная. Почти все то же самое, но было одно новое, что делало Ольгу совсем другой. В ней появилась уверенность. И Леонид сразу понял, что причина этой уверенности не в деньгах и положении отца, причина в самостоятельности, которую за эти

годы обрела Ольга. «Человека, который планирует не только свою жизнь, но и жизнь других, видно за версту», – усмехнулся про себя Леонид и спросил:

– Ты работаешь у Константина Алексеевича?

– Нет, я сама по себе. Отец помог сначала, но я ему уже все деньги вернула, – не удивилась вопросу Ольга.

– Я так и подумал, – рассмеялся Леонид.

– О чем ты подумал?

– Ты выглядишь так, как выглядит человек, который вернул все долги, – рассмеялся Леонид, но потом серьезно добавил: – Между тем я еще студент и вряд ли отвечу на вопрос, чем же я хочу заниматься и что я буду делать на следующий день после окончания университета.

– Не повторяй ошибок, – энергично замотала головой Ольга. – Не сравнивай. Или нам это по наследству передается? Наши родители всегда соревновались друг с другом. Только молчали об этом. Но я-то видела.

– Не может быть! – ахнул Леонид, не поверив словам Ольги. – Они жили по-разному всегда.

– Вот поэтому и соревновались, – рассмеялась Ольга. – А потом, я тоже еще студентка. Диплом только на следующий год.

– Ты ведь в филологический пошла? Мне мама говорила.

– Нет, хотела, да передумала. Поступила в педагогический. Учителем собираюсь быть.

– Ты это несерьезно, – рассмеялся Леонид.

– Почему это? Плохая профессия?

– Нет, совсем не поэтому. Ты же такая застенчивая была. А тут с детьми надо работать. Они шумные и непослушные.

– Да, – призналась Ольга с улыбкой, – когда я первую практику проходила, у меня даже голос пропал.

– Ну, а потом?

– А потом даже понравилось.

– Так ты что же, пойдешь в школу потом, когда диплом получишь?

– Посмотрю. Есть у меня одна идея, – Ольга снова улыбнулась, – но я пока не знаю, как к ней подступиться.

«Она – копия отца не только внешне. Деловая, лишнего не скажет!» – подумал Леонид.

Ольга шла рядом и молчала. Леонид еще раз удивился переменам в поведении – никакой суеты, никакого женского мельтешения. Он привык, что в его присутствии девушки становились смешливыми, то и дело посматривали на него, суетились и старались понравиться. От этого Леониду всегда становилось спокойно. Все было предсказуемо, он красивый, он всегда нравится, он – хозяин положения. Но Ольга вела себя совсем иначе. «Впрочем, мы знакомы всю жизнь! С чего бы это ей тут смущаться?» – подумал Леонид и спросил:

– Ты замуж еще не собираешься?

– Куда? – удивилась Ольга.

– Ну, замуж, – вдруг смутился своего вопроса Леонид.

Он заговорил об этом, чтобы подчеркнуть, что у них отношения давние, близкие, что они почти родственники, что им можно говорить обо всем и наконец, что он считает Ольгу привлекательной, а потому и удивляется, что та до сих пор не замужем. Одним словом, Леонид, как ему показалось, делал своеобразный комплимент.

– Мама все сватает, – сказала Ольга. – И даже приглашает в дом жениха одного. Я, конечно, помалкиваю, понимаю, она волнуется. Но замуж за него не собираюсь.

– Я тоже жениться не хочу. Понимаешь, я ведь столько учился! Отличник, в аспирантуру зовут. Но, думаю, что надо пойти деньги зарабатывать. Родители не молодые. Жизнь совсем не та, к которой они привыкли. Грустно на них смотреть.

– Ты – молодец, – после паузы ответила Ольга, – редко, когда кто-то так о родителях скажет. Да, сейчас надо выбирать. Мне тоже хотелось просто в институт ходить. Но потом поняла, что надо быть самостоятельной. Папа у меня ведь диктатор.

– Брось! Константин Алексеевич энергичный, заводной, но чтобы диктатор?!

– Поверь мне. Я когда на первом курсе денег у него попросила, так потом в узел завязала себя, чтобы отдать.

– И что?

– Ну, теперь он мне только советовать может. Но не командовать.

– А раньше?

– Ох, не спрашивай.

Они обошли огромный участок, дошли до калитки, как раздался голос Вассы Федоровны:

– К столу! Быстрее, все остынет!

Леонид и Ольга поспешили на ее зов.

Дорогу домой Леонид выбрал длинную – очень много было впечатлений и о многом надо было подумать. Дома соскучившиеся родители вряд ли бы его оставили наедине с мыслями. Он выехал на шоссе и включил тихую музыку. Как это ни странно, самое сильное впечатление на него произвела не Ольга, а ее отец. Долгий эмоциональный разговор в кабинете, множество деталей и подробностей, в которые Мезенцев заставил сразу же вникнуть, множество громких имен – все сейчас сложилось в большой витраж с тысячью деталей. Леонид попытался систематизировать информацию, но у него ничего не получилось, видимо, слишком много отвлекало его внимание. К тому же Мезенцев утомил его напором, эмоциями, нетерпением и какой-то оголтелой решимостью. Впрочем, судя по всему, за этим не стояла любовь к деньгам. Леонид это понял сразу. За этим стоял своеобразный вкус к жизни. Леонид чувствовал кожей тот драйв, который исходил от Мезенцева. «Странно, – подумал он, – с моим отцом они ровесники. Но какая разница в темпераменте, в поведении. Даже если это касается утилизации мусора. Сколько азарта в Мезенцеве! И сколько тихой усталости в отце. Словно он не может сопротивляться рутине, словно рамки, добровольно поставленные когда-то, превратились в оковы. Моего отца ничто так не заводит, не греет, не раздражает. Я никогда не видел в нем этого нетерпения. Может, я был невнимателен? Вряд ли. Мы жили бок о бок. В чем же дело? Почему между ними такая разница? Дело ли в характерах? И правильно ли жили родители, довольствуясь малым. Но что это – «малое»? Работа, которая выполнялась ответственно, заботы о семье? И то, что обычно называют «духовной жизнью». Хотя образование, искусство, музыку, книги – все, чем увлекается человек, малым не назовешь. Может, дело в амбициях? Может, дело в том, что все, чем они жили, было предоставлено им готовым. Книги были написаны, музыку сочинили, философию придумали. Они просто пользовались этим, совершенствовались, но сами создавали ровно столько, чтобы просто поддержать собственную жизнь. Минимум, который со временем превратился в ничто. Потому что наступил возраст, когда возможности превращаются в пыль. Уходит ощущение созидательного будущего. Позади только бесконечные, наполненные одинаковыми делами, маленькими целями, будни. Рядом то, что чем ты привык пользоваться – музыка, книги, но оно чужое. Нет, они определенно лишили себя чего-то. Но чего? Как же в этом разобраться?»

...В конце июня Леонид защитил диплом. Защита была успешной, с большим количеством хвалебных откликов. Его наперебой звали в аспирантуру. Репутация Леонида всегда была отличной, но после той самой партии в теннис с Мезенцевым он приобрел славу перспективного делового человека. С легкой руки декана, который только лишь поделился осторожными намеками, к Леониду стали относиться как к протеже Мезенцева.

– Я, конечно, только за то, чтобы вы остались в аспирантуре. Вас ждет блестящее будущее. Голова у вас – дай бог каждому. Вы умеете работать. У вас есть поддержка, – говорил ему все тот же декан, – и, простите, ваша внешность...

– Что моя внешность? – улыбнулся Леонид.

– Может, я очень наивен, но для деловых отношений и политики внешность всегда имела значение. Из той же истории это известно.

– Если обратимся к персоналиям, такие люди кончали плохо. Или были временщиками.

– Все зависит от исторического контекста. А он у нас сейчас благоприятный, – улыбнулся декан.

На следующий день после защиты позвонил Мезенцев.

– Леня, поздравляю и приглашаю к нам. Васса Федоровна сказала, что без тебя меня домой не пустит. Да и Ольга намекала. Она тебе сюрприз приготовила.

– Константин Алексеевич, – Леонид прижал руки к сердцу, – спасибо вам всем огромное, но не могу. Я хочу родителей в ресторан повести. Мы собирались тоже отметить это событие. Они его очень ждали. Может, вы к нам присоединитесь?

Последний вопрос Леонид задал ради вежливости. Его бюджет был строго рассчитан на троих.

– Послушай, какой ресторан? Вези их к нам! Я сейчас им позвоню! И не слушаю ничего больше.

Леонид услышал гудки в трубке, а затем мамин голос.

– Мама, – взволнованно принялся объяснять Леонид, – я не хотел, я отказывался. Но они на меня навалились. Васса Федоровна книжки тебе свои хочет показать. У нее уже их штук пять вышло. А дядю Костю вы знаете – с ним спорить невозможно!

– Еще бы мне не знать дядю Костю! Я же помню, как он все двери перевесил на нашей даче. Видите ли, он счел неудобным то, как они висели прежде, – рассмеялась Мария Петровна.

– Папа, давай, собирайся. Посмотрите, как они живут. И потом, вы же понимаете, ему похвастаться хочется. Видимо, некому из старых знакомых пыль в глаза пускать.

– Сомнительное удовольствие, – проворчал отец, но все же полез за выходными брюками.

Встречала их Ольга. Мария Петровна даже прослезилась, увидев ее.

– Как же ты изменилась! Ты совсем другая!

– Какая? – обняв Марию Петровну, спросила Ольга.

– Взрослая. Очень взрослая. Даже страшно, что у нас такие большие дети. – Мария Петровна оглянулась и привлекла сына к себе. Так, втроем, они пошли к дому.

Васса Федоровна тоже всплакнула, ужасно разозлив Мезенцева:

– Слушайте, в одном городе живете! Вам что, трудно встретиться? Чего рыдать сейчас, словно потеряли друг друга! Слушай, Сергей, ну их, пошли ко мне, потолкуем, коньячку выпьем, – обратился Мезенцев к Хитрову-старшему, и они направились в кабинет.

– Вот как хорошо, что ты родителей привез! Для них же та дача – это вся жизнь! И вспомнить есть что, и поглядеть друг на друга. Ты знаешь, мои тоскуют по твоим. Я это поняла, – улучив минуту, сказала Ольга.

– Да? Мои тоже, – ответил Леонид, но сам задумался, а видел ли он признаки этой дружеской тоски у родителей. Иногда они вспоминали старое время, когда жили бок о бок. Но никто в доме не произносил: «Давайте позвоним Мезенцевым!» или «Давайте их пригласим!»

– Но все же проблемы есть, – продолжая разговор, сказала Ольга.

– Какие? – не понял Леонид.

– Понимаешь, мне всегда казалось, что твои родители боятся выглядеть навязчивыми. Они боятся быть в тягость и что их неправильно поймут. Они у тебя очень гордые. Ты понял меня? – Ольга посмотрела на Леонида.

– Я понял тебя. Речь идет о том, что твоим удалось стать обеспеченными. А мои...
– А твои родители выбрали иной образ жизни. Я об этом, – спокойно сказала Ольга.
– Как-то сразу безысходностью повеяло, – вздохнул Леонид. – Ситуация ведь не переменилась уже.

– Вот и я об этом. А мои боятся, что твои будут насмешничать. Или даже осуждать.
– Они тебе говорили об этом? – напрягся Леонид.
– Что ты! Отец не то что вслух не скажет, он даже не подумает так. Но его поведение говорит об этом.

– Ты наблюдательна.

– Мне всегда хотелось, чтобы они дружили, – призналась Ольга.

Леонид с удивлением посмотрел на нее. Так откровенно и так просто она сказала о том, что слегка мучило его, когда они ехали сюда. Разница в положении была очевидной и только очень свободные от условностей люди не обратили на эту разницу внимания.

...Обед прошел замечательно. Сначала громко и торжественно поздравили Леонида, а потом разговор приобрел все тот, старый соседско-дружеский характер – и все с удовольствием заговорили о яблонях, фундаменте под теплицу, кровле и мучнистой тле. Леонид боялся, что Мезенцевы начнут хвастать успехами – карьерой Константина Алексеевича, книжками Вассы Федоровны, новым большим домом. Но все обошлось – воспоминания о прошлом были милы обоим парам. Леонид и Ольга поначалу пытались участвовать в общей беседе, но скоро поняли, что их никто не слушает.

– Пойдем в сад, там и покурить можно и чаю попить. И тихо там.

Остаток вечера они просидели вдвоем, и Леонид впервые за долгое время понял, как это приятно никуда не спешить, ничего не доказывать, не спорить. Как приятно тихо разговаривать о любимых книжках, о фильмах, прислушиваться к звукам темнеющего леса и смотреть на узкую полоску красных предзакатных облаков.

– Как же хорошо здесь у вас! – вдруг с чувством произнес Леонид.

– На наших дачах было точно так же, – улыбнулась Ольга, – такой же лес, такие же закаты, такие же смородиновые кусты.

– Да, но здесь как-то по-особенному хорошо.

– Мезенцевы – молодцы. Васса Федоровна такие романы пишет. Несколько книг дала, буду теперь читать. И с хозяйством размахнулись. Но они не спешат, все по уму делают. Я так поняла, что они еще даже дом не достроили? – сказала Мария Петровна по возвращении из гостей.

– Да, там что-то еще надо сделать, только я не понял что, – ответил Леонид. Он видел, что мать хочет поговорить о Мезенцевых, но его ждали на кафедре.

– Оля стала похожа на отца.

– Ты тоже заметила? – улыбнулся Леонид.

– Это сложно не заметить. Повадки одни и те же.

– Ты что же, часто теперь у них будешь бывать? – вдруг задал вопрос отец, который до этого прятался за книжкой.

– С чего ты это взял, пап?

– Так просто спросил. А то на даче полно дел. Понятно, не хоромы у нас. Да негоже, чтобы ветшало.

Леонид промолчал. За этой нарочитой фразой крылась обида и раздражение. «Господи, ну, вот и сходили в гости к друзьям!» – поморщился Леонид и поторопился из дома.

Это лето две тысячи третьего года было наполнено событиями. Защита дипломной работы, приглашение остаться на кафедре и поступить в аспирантуру, неожиданное сближение

с Мезенцевыми и, конечно, возобновившаяся дружба с Ольгой. Леонида так все это захватило, что толком подумать о происходящем он не успевал. Самое интересное, что именно отец Ольги выступал катализатором всего происходившего.

– Леня, в выходные заскочи, кое-что отцу хочу передать, – строго говорил Константин Алексеевич, и Леонид послушно ехал, проводил вечер, а то и оставался на ночь в небольшом гостевом домике, где Мезенцевы устраивали его со всеми удобствами. Уезжал он с обязательными пакетами и свертками.

– Я отцу позвоню, но и ты запомни, – это ему для водопровода. Я бы ему рабочих своих прислал, но ты же знаешь, откажется, – говорил Мезенцев.

Дома отец, принимая подарки, хмурился и начинал звонить Мезенцеву:

– Ты что в самом деле?! Зачем?! Конечно, спасибо! У нас все нормально! Все нормально!

Вот это раздраженное «у нас все нормально» напрягало Леонида. С одной стороны, он потихоньку привыкал в новом формате общаться с Мезенцевым, ему неудобно было отказываться от их «передач» для отца, а с другой стороны, чувствовалась ревность и раздражение родителей.

– Мам, я не пойму, – пытался выяснить он у матери, – вы столько времени дружили. Столько всего вместе пережили. Почему мне кажется, что вы против моего общения с Мезенцевыми?

Мария Петровна пожала плечами. Она не производила впечатление женщины с амбициями, никогда не позволяла себе громких и резких суждений и никому не давала никаких неприятных характеристик. И вместе с тем ее нельзя было назвать прекраснодушной или чересчур мягкой. Марию Петровну отличали твердость характера и нерушимые жизненные принципы.

– Леня, как ты можешь так думать? Мы совсем не против. Но хотелось, чтобы ты больше внимания уделял будущей работе. Ты же так и не решил, останешься на кафедре, займешься кандидатской?

– Мама, какая связь между Мезенцевыми и моей работой? – возмущался Леонид, но в глубине души понимал, что родители правы. Как-то так получалось, что времени на науку у него не хватало. Все чаще и чаще Мезенцев звал его к себе, все чаще и чаще он посвящал его в различные дела. Предлог для всего этого Мезенцев выбрал отличный:

– Леня, у меня бывает так, что нет ни минуты свободной, так что будь добр, вот эти документы передай декану, а на словах скажи следующее...

Леонид не отказывал – он с деканом виделся чуть ли не каждый день, отношения между ними были доверительными.

Все чаще и чаще отец Ольги заводил разговор о карьерном росте, о деловых перспективах, о том, как важно точно разобраться в том, что предлагает судьба.

– Видишь ли, тут несколько вариантов. И каждый выбирает подходящий под свой характер. Вот я, например, никогда не хотел быть связанным службой. В прежнее время я тяготился ею. Теперешнее время я благословляю за возможность не зависеть от стен. Боже, как вспомнишь! Уход-приход-начальство-подчиненные. Мне никогда не нравилось.

– А как же не зависеть от стен и людей в этих стенах? – улыбнулся Леонид.

– Можно. Тяжело, трудно. Но можно. Впрочем, я всегда предпочитал зависеть от обстоятельств. Хотя бы потому, что ими можно управлять. Ты не поверишь, но, сидя здесь, в деревне, за этим страшным письменным столом, я влияю на свою судьбу гораздо сильнее, чем если бы я сидел в каком-нибудь министерстве.

Леонид слушал и мотал на ус. Безумно притягательным был этот образ немолодого, но удивительно энергичного и сметливого человека. Порой казалось, что он шел своим скорым шагом чуть быстрее времени, чуть быстрее молодых и уже тем более сверстников. Леонид все пытался понять, откуда черпаются силы для такой насыщенной жизни, и что повлияло на внешность давнего соседа. Леониду всегда казалось, что Мезенцев был некрасив. И рост

небольшой, и фигура враскорячку, и эта плебейская манера размахивать руками, а уж недовольного шума от него всегда было сколько! Сейчас же в Мезенцеве появилось то, перед чем сложно было устоять, – обаяние умного, скрытного, дипломатично-хитрого человека. Любой слушатель рано или поздно попадал под его очарование. «Грош цена была бы этому обаянию, если Константин Алексеевич не умел бы делать дела. Рано или поздно его бы раскусили. Но ведь он еще и деньги зарабатывает!» – думал Леонид и пытался перенять хоть часть повадок Мезенцева.

Впрочем, возможности поучиться у бывшего соседа было предостаточно. При каждом удобном случае Леонид был зван в гости – и отказ Мезенцевы слышать не хотели.

Но еще одним предлогом для частых визитов к Мезенцевым была Ольга. И здесь Константин Алексеевич был откровенен.

– Леня, у Ольги на следующий год диплом. Ты же ее знаешь – на козе подъехать невозможно. Поговори с ней, пусть она не лезет в дебри. Пусть возьмет что-нибудь простое. Может, она тебя послушает?! – вздыхал в трубку Мезенцев.

Этому предлогу Леонид был рад. Ольга, которая на первый взгляд была все той же дурнушкой, при ближайшем общении оказалась очень остроумной, деловой и даже бойкой девушкой. Настолько бойкой, что Леонид как-то разом забывал про ее внешность.

– Ты такая разная! – как-то обронил он.

– Как это – разная? – с интересом переспросила Ольга.

– Понимаешь, – принялся объяснять Леонид, – тебя поначалу воспринимаешь как очень замкнутого, я бы сказал, даже грустного человека. А разговоришься – совсем другая.

– Это я при тебе, – улыбнулась Ольга, а Леонид еле сдержал улыбку. Как это было знакомо – быстрое признание его исключительности. «Мол, ты так действуешь на меня...»

– Мы же с тобой как брат и сестра. С чего бы мне притворяться при тебе, – услышал совершенно неожиданное для себя Леонид.

– То есть вот это, – тут Леонид скорчил мину, комически насупив брови, – это ты притворяешься?

– Это я держу дистанцию. Чтобы не лезли. Не приставали.

– А... – Леонид хотел поинтересоваться, так ли часто это бывает, но вовремя спохватился. Девушку этот вопрос мог обидеть.

– Да, представь себе. Пристают, – улыбнулась Ольга, – разные всякие. Но мне некогда, понимаешь.

– Не понимаю, – со всей серьезностью ответил Леонид, – я не понимаю, как у девушки не может хватать времени на свидания. Вообще на отношения?

– Очень просто, когда дел много, времени на ерунду не хватает.

С этого мгновения Леонид был начеку. Ему очень хотелось понять, что такое случилось с его давней подругой. Какой, на самом деле, жизнью она живет? И так ли не интересуется ее то, что составляет жизнь любой двадцатилетней девушки. Неужели нет свиданий, долгих разговоров по телефону, переживаний?

«Зачем мне все это? Она не в моем вкусе. А Ольга? Она... Нет, она совсем не красавица, но ведь «пристают»!» – Все это промелькнуло в голове у Леонида, и вдруг представилось, что не он, а кто-то другой вот так расхаживает по дорожкам этого сада. Пьет чай на веранде, качается в гамаке, разговаривает с Вассой Федоровной и Ольгой обо всем на свете. Кто-то другой сидит в кабинете Мезенцева и кому-то другому тот жалуется на усталость и сетует, что нет верного и дельного помощника. Леонид вдруг понял, что в глубине души все происходящее ему очень нравится. Что все, чем пытается сейчас окружить его Константин Алексеевич – а ведь пытается, старается, тут даже и сомневаться не приходится, – все это его, Леонида, устраивает. Более того, дает надежду и уверенность. Словно Мезенцев, добрый волшебник, взял на себя труд позаботиться о будущем. И Ольга тоже старается – это же очевидно. Столько времени

проводить с ним, всегда быть дома, когда он приезжает, угощать, ухаживать. Ждать, пока он и отец закончат «кабинетные» разговоры. Да, все это она делает спокойно, без суеты, даже с какой-то ленцой, но обмануться нельзя. Ей приятно это делать. Нет, надо быть очень невнимательным к знакам судьбы, чтобы это все не распознать.

«У Ольги кто-то есть? Ах, да, Васса Федоровна кого-то нашла. И еще кто-то в институте, Ольга сама сказала. Ну, посмотрим. Посмотрим». – Леонид слушал Ольгу, а сам про себя все твердил: «Посмотрим, посмотрим».

– Да, кстати, я на несколько дней уеду. Дней примерно на пять. По университетским делам. Все откладывал, но больше нельзя, – вдруг перебил он Ольгу.

– Да? Конечно. Я вообще считаю, что дела важнее всего, – как ни в чем не бывало ответила Ольга и предложила: – Ну, что в дом пойдем, мама заждалась, наверное.

– Конечно, – широко улыбнулся Леонид и приобнял Ольгу за плечи. Она отреагировала совершенно спокойно.

На следующие две недели Леонид затаился. Неделю прожил с отключенным телефоном. Потом включил его, но отвечал только на самые важные звонки. Родителей предупредил, что если его будут искать Мезенцевы, – он уехал.

– Мам, понимаешь, мне надо позаниматься, подготовиться к одной конференции. А Константин Алексеевич в гости будет звать, заговорит, а времени и сил у меня не будет, – пожаловался он родителям.

– А сказать как есть не можешь? Чего ты его боишься? – хмуро спросил отец.

– Правильно, Леня, – поддержала мать сына, – человека можно обидеть отказом. Не все понимают, что занятия требуют сосредоточенности. Не переживай, сделаем, как просишь.

По утрам Леонид складывал в портфель книги, завтракал и уезжал, каждый раз напоминающая, что ни для кого его нет. Но в университет он не ехал. Он доезжал до Сокольников, там шел минут десять пешком и входил в большой сталинский дом. На четвертом этаже его уже ждали.

– Что ты мотаешься каждый день домой? Остался бы на ночь. Утром все равно возвращаешься, – мягко журили его. Но перед тем как пожуричь, прижимались всем телом, обнимали и целовали.

– Стоит только одну ночь переночевать, так сразу засомневаются, где я. А так – работаю, готовлюсь к конференции.

– А конференция и вправду будет? – спрашивали его, но ответа не слушали, тянули на диван, на красивые белые подушки, яркую простыню, сбившийся с ночи пододеяльник.

– Что же ты делаешь? Погоди, – отбивался Леонид, но ему льстило это женское нетерпение. Да и сам он скучал по этим минутам. Хотя и уехал вчера почти в полночь.

Его отношения со студенткой текстильного института продолжались уже год. Леонида удивляло это обстоятельство. Обычно шесть месяцев – это был тот временной рубеж, через который редко кто из его подружек перешагивал. Но Оксана была такой беспечной, такой легкомысленной, такой жизнерадостной, что ее присутствие в его жизни почти не ощущалось. Вернее, не отягощало его жизнь наличие этой любовницы. Никаких выяснений, никаких упреков и вопросов, ничего такого, что бы раздражало. К тому же Оксана была красива, и где бы они с Леонидом ни появлялись, на нее сразу же обращали внимание. При этом Оксана была в него влюблена. Леонид это понял к третьей встрече и больше никаких усилий по обольщению не предпринимал. Он теперь пользовался обстоятельствами, причем так, что Оксана была еще и благодарна. Эту неделю, в которую Леонид разыгрывал простую комбинацию для Ольги, Оксана не задала ни одного вопроса. Словно нет ничего удивительного в том, что любовник, обычно приезжающий к ней два раза в неделю, вдруг с утра до вечера пропадает в ее спальне. Да не просто в гости приезжает, а располагается так, словно решил поселиться. Оксана ломала

голову, но уже отлично знала Леонида, поэтому только хвалила, молчала и создавала всяческий уют.

А Леонид, как кот, потягивался, чуть ли не мурлыкал, вполглаза читал исторические книжки, которые таскал в портфеле, и раздумывал, как дальше вести себя с Ольгой. Он уже решил, что вместо «нескольких дней», как он обещал ей, он пропадет на недели две. «Пусть скучает, но не отчаивается! Надежда должна подпитывать! Ну а действовать буду по ситуации. Может, в театр приглашу. Вроде бы прилично, но ни к чему не обязывает», – планировал он, уплетая за обе щеки вкусную стряпню Оксаны.

Две недели прошло. За это время Мезенцев «оборвал» телефон. «Ага, Ольга подслала отца! Ну, что ж, разумно. Соблюдает приличия», – усмехнулся Леонид, подсчитав количество пропущенных звонков. Леонид не отвечал на звонки, но в установленный срок решил навестить Мезенцевых. Эту поездку он планировал так, как резидент планирует встречу со своим агентом. Во-первых, не надеясь на свое скромное транспортное средство, попросил у приятеля машину. Машина была дорогая и мощная.

– Слушай, только осторожней, – попросил друг.

Во-вторых, он не стал звонить, а поехал без предупреждения. Леонид уже знал расписание жизни семьи и понимал, что кто-то обязательно окажется дома. И если это будут родители, они обязательно уговорят его остаться до приезда Ольги. А Ольге он не стал звонить, чтобы посеять в ней сомнения и азарт. «Будем делать вид, что приехал я не из-за нее».

– Васса Федоровна, вы дома? – Леонид остановился у ворот, посигналил, покричал и даже на всякий случай помахал букетом цветов. Цветы предназначались старшей Мезенцевой.

– О, Леня! Ну, наконец-то! Мы даже родителям твоим звонили! Они сказали, что ты в командировке. Ох, как я рада, что ты приехал.

Васса Федоровна обрадовалась искренне. Она тут же провела Леонида в дом, усадила за стол и принялась накрывать обед.

– Перекуси, – предложила она. – Я тебе компанию составлю. И пойду работать. Мне еще надо несколько страниц написать.

Леонид скрыл улыбку. По его наблюдениям, Васса Федоровна творила точно так же, как сталевар плавил сталь. В день надо было сделать «норму». Леониду было любопытно, с чего началась творческая биография Вассы Федоровны, как получилось, что она вдруг стала писательницей. Давний ответ Ольги про случайно найденную печатную машинку его не удовлетворил. И, улучив момент, Леонид обратился к Вассе Федоровне с вопросом. Ответ был знакомым.

– Понимаешь, Леня, мы этот участок с домом купили. Дом был старый. Его снесли. Но в доме были разные вещи. В том числе и печатная машинка. Я ее оставила себе. И решила, что нечего ей простаивать. Буду я на ней романы печатать.

– И все? – Леонид уставился на Вассу Федоровну.

– А чего же еще надо? Ну, конечно, потом Костя мне компьютер купил. Но на машинке мне больше нравится. Понимаешь, она стучит.словно разговаривает.

– Понимаю, – кивнул Леонид. Васса Федоровна поставила его в тупик.

Сейчас, не застав Ольгу и обнаружив, что Васса Федоровна не расположена к долгим разговорам, он решительно отказался от обеда.

– Я не хочу есть, спасибо, не голодный. Да я к вам на минутку. Был неподалеку, опять же по делам. Чувствую, соскучился. Думаю, надо обязательно заглянуть.

– Как хорошо. Я очень рада тебя видеть. Но ты дождись Константина Алексеевича. Обязательно. Он с тобой поговорить хотел. Уж не знаю о чем, но очень сердился, когда узнал, что ты уехал.

– А Ольга ему не сказала? – спросил Леонид. – Я предупредил ее. Правда, пришлось немного задержаться. Но что поделаешь, работа. Кстати, а Ольга в Москве?

– Ольга? – Васса Федоровна как-то замялась, что-то хотела ответить, но в этот момент с улицы раздался шум подъезжающей машины.

– Мама, давай нам есть! Ужасно голодные. А Володя еще и мокрый. Он умудрился свалиться в воду прямо в одежде, – раздался голос Ольги.

Через некоторое время она вошла в дом, и Леонид удивился тому, как она похорошела. Или этот желтый открытый сарафан ей шел, или загар, или большая шляпа, сдвинутая на затылок. Впрочем, через мгновение Леонид удивился еще больше, потому что в комнату вошел весьма приятный молодой человек. Он улыбался и нес в руках огромный букет полевых цветов. «Вот те раз! Идиллия просто. Ну, картинка из дамского журнала. Я спокойно мог еще пару недель к конференции готовиться!» – подумал он.

– О, ты уже приехал? Здорово. Получилось раньше вернуться? – Ольга заметила Леонида и тут же обратилась к матери: – Mam, а чья там машина стоит? Кто-то еще приехал?

– Да нет. Мы вот тут с Леной обедать собирались. Так что вы вовремя. – Васса Федоровна сновала между кухней и столовой.

– Да, познакомьтесь, – обратилась Ольга к Леониду и молодому человеку, – Володя, Леонид. Леонид – друг детства. Мы много лет жили на даче забор в забор.

– Очень приятно. Друзья детства самые верные. Во всяком случае, так принято считать. – Володя протянул Леониду руку и очень доброжелательно улыбнулся.

– Так оно и есть, – улыбнулась Ольга и пошла ставить цветы в вазу.

Через пятнадцать минут Васса Федоровна позвала всех к столу. «Я вместо пяти обещанных дней отсутствовал две недели, а она считает, что я вернулся раньше срока. И искренне, похоже, считает. Машину «мою» никто не заметил. Нечего было одалживаться. Для Мезенцевых такие машины словно для меня новый мобильник. И еще этот вопрос Ольги: «Чья это машина?» Она, видимо, даже и не допускает, что у меня такая может быть. И наконец этот Володя. Запросто держится, без стеснения. Все это оч-ч-чень неожиданно...» – Леонид ел салат, приготовленный Вассой Федоровной, исподтишка разглядывал соперника и боролся с желанием сейчас же встать и уйти, хлопнув дверью.

– Как твоя командировка? Все хорошо? – обратилась наконец к нему Ольга.

– Даже лучше, чем можно было ожидать, – многозначительно ответил Леонид. Он был рад вопросу, поскольку совершенно не представлял, о чем говорить в присутствии этого Володи. У него была «домашняя заготовка», но она предназначалась только лишь для Вассы Федоровны и Ольги. Пока Леонид сосредоточенно жевал, Володя весело и точно так же доброжелательно рассуждал о погоде, лекарственных растениях, о нормативных актах по застройке земель. Одним словом, чувствовал себя весьма уверенно. Леонид поддакивал, делал вид, что слушает, а сам пытался понять, как поступить дальше: «Вариантов у меня немного – дожидаться Мезенцева или после обеда сразу уехать. Ведь я уже сказал, что только на минуту. Точно, я сейчас скажу, что уезжаю. Ольга наверняка будет уговаривать меня остаться. Я немного поломаюсь и все равно уеду. А Мезенцеву позвоню и извинюсь. И, потом, пусть он считает, что у меня тоже серьезные дела!»

– Васса Федоровна, очень все вкусно, но от второго я откажусь. Во-первых, наелся, во-вторых, мне надо бы ехать. Я же на минутку... Проведать вас.

– Леня, не выдумывай, – отрицательно покачала головой Васса Федоровна, – меня Константин со свету сживет, если узнает, что я тебя отпустила. Оставайся, отдохни.

– Конечно, оставайся! И говорить не о чем, – вступила в разговор Ольга. Но Леонид не успел восторгаться, потому что она тут же добавила: – Тебе никто мешать не будет. Мы с Володей сразу после обеда в Москву едем. У нас еще куча дел.

– Да-да, ты спокойно в гамаке поваляешься и расскажешь мне, как там Мария Петровна поживает. Я ей тут одну настойку приготовила, – сказала Васса Федоровна.

– Боюсь, что не получится, – твердо заявил Леонид и решительно поднялся из-за стола. – Я лучше на днях к вам еще заскочу.

– Оля, проводи Леню, – услышал он строгий наказ Вассы Федоровны.

Уже сидя в машине, Леонид пытался подытожить все, что случилось, а вернее, не случилось сегодня: «На первый взгляд ничего не произошло. Ну, Ольга забыла, что я говорил, будто уезжаю на пять дней. Ушла с этим Володей на речку. Но она же имеет право иметь приятеля? Хотя какой он там приятель! Видно, что влюблен в Ольгу. И держится, как свой в доме человек!»

Леонид не спеша вел машину и чувствовал, что его надули. Гарантировали одно, получил же он совсем другое. Но ему и в голову не приходило, что гарантии он давал себе сам, исходя из собственного опыта. А опыт его был, по сути, однообразный, обеспеченный почти одинаковыми отношениями, в которых он выступал божеством, а вторая сторона преклоняла колени. «Я – дурак! – поставил себе диагноз Леонид. – Не надо было мне все эти глупости придумывать. Ольга умная. И характер у нее сильный. Ее такими выкрутасами не возьмешь. Как она посмотрела, когда я садился в машину! Мне бы сказать, что я соскучился. А я губы надул. Идиот!»

Остаток пути он просто слушал музыку и почему-то вспоминал веснушки на загорелом лице Ольги: «Их же никогда не было! Или я просто не обращал внимания?»

Подъезжая к Москве, он решал, куда ехать. К любовнице Оксане не хотелось. Леонид даже поморщился: «Никакого волнения нервов», как однажды при нем пошутил Мезенцев. Домой? Там родители. По его лицу они поймут, что сын чем-то расстроен. Промолчат, из деликатности расспрашивать не будут, отчего станет только хуже. «Вообще-то, пора отселяться. Пора жить одному. Что за маменькин сыночек? Даже стыдно! Я теперь буду зарабатывать плюс халтура всякая, справлюсь!» – Подумав так, Леонид решил, что сегодня же переговорит с родителями и займется поисками квартиры.

Мария Петровна, услышав о решении сына, только вздохнула:

– Я тебя понимаю. Может, действительно так удобней будет.

Леонид вздохнул с облегчением – родители хоть и расстроились, но виду не подали.

Весь вечер он просидел в Интернете, просматривал варианты, созванивался с риелторами и строил планы. Он, казалось, забыл о Мезенцевых, об Ольге, о своем желании за это время стать своим в этой семье. Найдя несколько вариантов, он условился о встречах. Прямо завтра с утра.

Лег он спать с осознанием, что в его жизни, хоть и запоздало, начинается новый этап.

Впрочем, утром все поменялось. Леонид поднялся ни свет ни заря, тщательно оделся и помчался к Мезенцевым. По дороге он отменил один за другим просмотры квартир. «Сейчас Мезенцев важнее. Квартира никуда не денется. А вот отношение с ним – это будущее. Вероятно, очень интересное!» – Даже про себя Леонид постеснялся употребить слово «выгодное».

... – Ты куда пропал, ничего не сказав?! И меня не дождался в прошлый раз?! – Мезенцев спросонья был ворчлив.

– Простите, я сегодня так рано, потому что вы хотели увидеть меня. – Леонид даже растерялся от сурового приема.

– Ну, о чем с утра разговаривать! Надо хоть кофе глотнуть, – бурчал Мезенцев.

– Может, я тогда позже заеду? У меня тут еще есть дела. Неподалеку. – Леонид пытался сохранить достоинство.

– Какие у тебя здесь дела неподалеку? – вдруг с интересом посмотрел на него Мезенцев.

– Ну... Я хотел кое-что посмотреть...

– Что именно? – не отставал Константин Алексеевич.

– Понимаете, – Леонид вдруг сообразил, – я хотел бы квартиру снять. Или, может, даже часть дома. Ну, что-то вроде...

– От своих съезжаешь? – удивился Мезенцев.

– Да, все-таки надо жить отдельно. А родителей навещать буду.

– Конечно, это правильно. Нечего за печкой сидеть. Вот Ольга тоже все просится. А просто взять и уехать не может. Наверное, боится обидеть.

– Ну, она же тоже не маленькая, – улыбнулся Леонид.

– Да, даже слишком взрослая. Все пытается самостоятельной быть. Надо сказать, отлично у нее получается.

– Тогда отпускайте, – пошутил Леонид.

– Вот дочку свою родишь, тогдапустишь! Узнаешь, как это легко!

– В Москве больше половины молодых людей живут отдельно от родителей. И Ольга у вас такая...

– Какая? – с интересом прищурился Мезенцев.

– Она совсем взрослая, – выбрал правильную формулировку Леонид. – И как-то изменилась, я даже не могу объяснить... Похорошела, что ли. Я ведь ее давно не видел.

– Да, дочечка, дочечка. – Мезенцев быстро глянул на Леонида и отвел глаза.

– Дочка. Взрослая. Совсем взрослая. Отпускайте в свободное плавание! – улыбнулся тот.

– А сам-то почему только сейчас собрался?

– Не знаю. Маму жалко было. Да и отца.

Мезенцев покрутил головой:

– Хорошо, что понимаешь это. Жалеешь. Ладно, пойдем поговорим пока тихо. Потом Васса Федоровна встанет – не даст нам пообщаться, затормошит.

Закончили они разговор, когда пробило полдень. «Это же надо – три часа разговаривали!» – охнул про себя Леонид. На лице же его была улыбка, которую он никак не смог скрыть, а еще в голове крутились обрывки фраз Мезенцева: «Мне необходимо доверенное лицо. Понимаешь, чтобы я ему, как себе, верил. Думаю, ты вполне мог бы быть им. У меня много проектов. И все они приносят хороший доход. Я тебя не агитирую бросать твою кафедру. Покрутись у меня – пойдем оба, что все складывается как надо. Уволишься, перейдешь ко мне». «По сути, он пригласил меня к себе работать! – ликовал Леонид, но тут же себя одергивал, пока речь идет только об одном деле. Которое, может, и не получится. Так что терпение, терпение».

– Васса Федоровна, добрый день! А где Ольга? Неужели спит еще? – поинтересовался он бойко, заведя хозяйку дома.

– Ну, откуда же мне знать, – отозвалась та. – Она же в Москве. Они как с Володей вчера уехали, так она и не возвращалась, – простодушно пояснила Васса Федоровна.

Леонид растерялся – что это означало, было непонятно. И как реагировать – тоже не ясно.

– Я тогда поеду. Не буду ждать ее, – нерешительно произнес он.

– Ну, смотри. Думаю, раньше трех часов она не появится, – ответила Васса Федоровна, и Леонид понял, что ждать ему не стоит.

И опять была эта дорога в Москву, и опять мысли крутились вокруг Мезенцевых. Строгий прием Константина Алексеевича, неожиданное предложение поработать вместе, неприятное и непонятное отсутствие Ольги. «Ну что я удивляюсь! У меня же Оксана есть. И у Ольги какие-то отношения должны быть», – постарался успокоить он себя.

На следующий день он выбрал себе квартиру. У нее был один недостаток – она находилась далеко от родителей. Но зато была на полпути к месту, где жили Мезенцевы. «Я же не специально. Видимо, так получилось!» – соврал сам себе Леонид, подписывая договор и внося оплату. И вот уехал хозяин квартиры, Леонид еще раз обошел кухню, комнату, вышел на лоджию, оглядел окрестности и в каком-то порыве набрал номер телефона Мезенцева.

– Константин Алексеевич, добрый день! Простите, что отрываю, вы телефон Ольги не дадите? Она кое-что просила узнать о подготовительных курсах.

– А зачем ей курсы? – тут же напрягся Мезенцев. – Первый раз слышу про такое!

– Это не для нее, разумеется, она для какой-то подруги.

– И подруг у нее нет таких, кому бы это понадобилось. И вообще, у нее нет подруг. Почти нет, – отвечал Мезенцев и телефона по-прежнему не давал.

– Хорошо, – выкрутился Леонид, – тогда вы просто передайте ей, что курсы начинают работать с октября месяца и...

– Ладно, позвони сам. Что-то она мудрит, я пока не могу разобраться. Записывай!

– Спасибо. – Леонид записал телефон, положил трубку и выдохнул. Константин Алексеевич был строг и бдителен.

– Оля, добрый день! Ты можешь сейчас разговаривать? – тут же набрал он заветный номер.

– Это кто? – В первый момент не поняла Ольга. – А, Леня! Да, конечно!

– Оля, твой телефон отец дал. Я соврал, сказал, что твоя подруга интересовалась подготовительными курсами.

– Что-что? – не поняла Ольга.

– Ну, понимаешь, мне казалось, так лучше будет...

– О, зачем ты все усложнил, – вздохнула Ольга. – Отец теперь покоя мне не даст. И подруг у меня тоже нет.

– Он мне уже это сказал, – признался Леонид.

– Вот теперь ты знаешь обо мне самое главное. Отсутствие у человека друзей говорит о нем лучше всякого рентгена и анализа крови.

– Это можно обсудить, – попытался предложить тему для нового витка разговора Леонид. – Твой тезис спорный, а потому небезынтересный.

– Бог с ним, с тезисом, – снова вздохнула Ольга и замолчала.

Леонид понял, что разговор сейчас прекратится, не начавшись. Он заходил кругами по комнате, что-то сказал про погоду, чертыхнулся про себя, а потом неожиданно произнес:

– Слушай, у меня просьба. Дело в том, что я переехал. Понимаешь, снял квартиру.

– Моя мечта! – отозвалась Ольга.

– Да, я тоже давно хотел, – соврал Леонид, – да родителей все жалко было. Но сейчас работа, командировки. В общем, так лучше всем будет.

– Так какая просьба? – Голос Ольги стал деловым.

– Ты не сможешь мне кое-что в хозяйство купить? Я слабо представляю, что в самостоятельном хозяйстве может понадобиться. Ну, кроме подушек и одеяла.

Ольга замолчала. А Леонид гадал, насколько естественна эта его просьба.

– Хорошо, давай, – наконец ответила Ольга. – Надо поехать в большой магазин, чтобы все сразу. Я буду собираться, а ты пока обойди квартиру и составь хотя бы приблизительный список.

– Ты понимаешь, – мягким тоном отвечал Леонид, – кабы я список мог составить, я бы купить сам мог. Может, ты приедешь и посмотришь? А потом и в магазин? Тут, вообще-то, кое-что есть, но мне не хочется чужим пользоваться.

– Да?

– Ну, да. Завтра должен быть на работе. Мне бы все сделать в один день. Понимаю, что напрягаю тебя. Да просто не к кому больше обратиться.

Даже если Ольга и удивилась просьбе и даже если усмехнулась, услышав эту явную ложь, виду она не подала.

– Хорошо, сбрось эсэмэской адрес и жди. Буду через час.

– Вот спасибо!

Леонид нажал на отбой, потом написал адрес, а отправив эсэмэс, с наслаждением растянулся на новом диване. «Я, по-моему, сделал отличный ход!» – подумал он.

Глава вторая. Немного семейной истории

– Давай на моей машине поедem? В нее влезет больше, – улыбнулась Ольга.

– Как хочешь. – Леонид посмотрел на огромный внедорожник и прикинул, во сколько ему обойдется сегодняшняя затея. Деньги на незапланированные да и не очень нужные расходы (мама все равно дала бы посуду и прочее) он взял из отложенных на костюм. Не то чтобы Леонид плохо одевался или не мог себе позволить приличные брюки и пиджак. У него было полно хорошей добротной одежды. Но в мечтах у него была покупка ОЧЕНЬ дорогого костюма. Из тех, неприметных и вместе с тем сразу же бросающихся в глаза. Леонид мечтал о костюм-знаке, костюм-символе. Родителям он сказать об этом не мог – не поняли такой мелкой, с позволения сказать, «мечты», а от цены бы пришли в ужас. Поэтому деньги копил упорно и тихо. Сейчас же Леониду казалось, что можно сделать ставку, что игра, которую он робко вел, может принести и такой костюм, и кое-что более весомое.

– Да, поехали на твоей, – согласился он. – Мелочиться не будем, сразу все купим.

– Но я же посмотрела – многое у тебя есть, – пожала плечами Ольга. – Зачем же деньги тратить?

– Новая жизнь, новые вещи. Приятно.

Ольга рассмеялась. А Леонид наслаждался машиной. Огромная, но с легким ходом, с удобными кожаными сиденьями цвета слоновой кости.

– У тебя хороший освежитель воздуха, – заметил Леонид, – даже не пойму что это?

– Да нет никакого освежителя. Не люблю я это дело, – пожала плечами Ольга.

Леонид повертел головой и понял, что это просто запах новой дорогой вещи.

До магазина они домчались быстро и, взяв тележку, пошли вдоль полок. Сначала оба чувствовали себя скованно. Ольга неуверенно указывала на чашки, блюда и предлагала:

– Может, купишь? Хотя посуда есть в шкафах. Вымоешь ее хорошо и можно пользоваться.

– Пусть новая будет, – отвечал Леонид и уточнил: – А какой цвет лучше взять?

– Я бы взяла синие. Я вообще этот цвет люблю больше всего.

– Тогда такие и возьмем, – улыбался Леонид.

– Ну, пользоваться-то тебе.

– А если ты в гости придешь? А синей чашки нет? Непорядок будет! – шутил Леонид.

Немного посуды, ложки, вилки, полотенца для кухни, для ванной комнаты. Мыло, зубная паста, шампунь, стиральный порошок и прочее – тележка постепенно заполнялась, а Ольга постепенно входила в роль хозяйки. Она пересмотрела все кастрюли в соответствующем отделе, потребовала продавца принести еще «что-нибудь мелкое, с длинной ручкой, для каши».

«Я не думаю, что я буду варить кашу!» – хотел было сказать Леонид, но вовремя спохватился. Он вспомнил Володю, с которым Ольга провела почти сутки, и порадовался, что сейчас она думает о Леониде и его завтраках. Пока Ольга объяснялась с продавцами, пробовала рукой ткань простыней и наволочек, пока она выбирала живой кактус в керамическом горшке, Леонид внимательно за ней наблюдал. Здесь в магазине она показалась ему совсем другой, нежели в родительском доме. Там Ольга была настороже, немножко скованной, казалось, она говорит и действует с оглядкой на родителей. Хотя это смешно, учитывая возраст и то, что она уже вела свое собственное дело. Леонид, кстати, хотел расспросить ее о нем, да все как-то не получалось. Сейчас же перед ним была бойкая, уверенная в себе молодая женщина, привыкшая к достатку. «На цены она не смотрит», – подумал про себя Леонид, наблюдая, как Ольга заполняет тележку.

– Послушай, я, кажется, размахнулась?! – вдруг оглянулась она на Леонида.

– Я с удовольствием за этим наблюдаю, – рассмеялся тот, – без тебя я бы тут запутался через десять минут. Но вот, только одна проблема...

– Какая?

– Тебе придется помочь мне все это разложить по полкам. – Леонид сделал серьезное лицо.

– Ты что, чашки не можешь помыть и на место поставить? – удивилась Ольга.

– Могу, только зачем, если у меня такая помощница! Я шучу! Если тебе некогда, конечно, я все сам сделаю.

– Посмотрим. – Ольга вдруг покраснела и сказала: – Давай передохнем, что ли? Где-то у них есть кафе.

– Конечно, – охотно согласился Леонид, – конечно, я сам устал. Хотя ничего не делаю, просто хожу за тобой.

Чек, длиной в километр, содержал внушительную сумму, но Леонид решал на это не обращать внимания. «Заработаю еще на этот костюм», – подумал он и обратился к Ольге:

– Можно я тебя покормлю? Мы уже который час ходим! И утром я тебя разбудил ни свет ни заря. Наверное, и позавтракать не успела?

– Я утром только кофе пью.

– Как же Васса Федоровна это терпит?

– Устала бороться. Ты, знаешь, Лёня, вот покупали мы с тобой это все, и я подумала, что придется с отцом разговаривать. Хочу жить отдельно.

– Догадываюсь. Я ему сказал уже.

– Ты?! – удивилась Ольга. – Когда же ты успел?

– Ну, был у нас разговор, – многозначительно произнес Леонид.

– Почему обо мне?

– Разговор был общим, но речь коснулась и тебя.

– А что папа тебе ответил?

– Ну, он не очень тебя хочет отпускать на свободу. Но я намекнул, что это неизбежно.

– Вот именно – неизбежно, – глядя в пространство перед собой, уверенно проговорила Ольга.

– Ты ешь, а то шашлык холодным станет. – Леонид заботливо подвинул к Ольге тарелку.

Вернулись они поздно. Ольга вспомнила, что мать просила заехать на почту, потом они заскочили в книжный – Ольге нужны были книги, потом Леонид попросил остановиться около супермаркета.

– Что ты хочешь купить?

– Ты подожди, я мигом.

В магазине Леонид выбрал дорогое шампанское, мороженое, набор шоколадных конфет и еще много сладкого. Затем он заглянул в чайный магазинчик, выбрал несколько сортов чая, кофе и только потом вернулся в машину.

– Что это? – Ольга указала на пакет.

– Это мы сейчас с тобой отпразднуем мое новоселье.

– Уже поздно.

– Ты же можешь остаться в Москве ночевать? – Леонид специально задал этот вопрос. Ему очень хотелось знать, где ночевала Ольга в ту ночь, когда с этим Володей ездила в Москву.

– Могу. Хоть там и идет ремонт. Я, когда оставалась в прошлый раз, никак заснуть не могла – запах краски чувствовала.

– А домой, за город, почему не поехала?

Тут Ольга внимательно посмотрела на него:

– А должна была?

Леонид смутился.

– Я просто так спросил. А переезд обязательно надо отметить. Иначе жизнь не заладится. – Леонид попытался выровнять ситуацию.

– Я не против. – Ольга пожала плечами и до самого дома молчала.

Когда Леонид наконец внес все пакеты, оказалось, что попасть из прихожей в комнату невозможно.

– Баррикады. Что с этим делать? – Ольга указала на гору покупок.

– А ничего, давай я тебе помогу пройти. Устраивайся на диване, а я сейчас все приготавливаю!

– Что приготовишь? А вот это когда все разложим?

– Успеется! – Леонид махнул рукой. Он усадил Ольгу на диван, сунул в руки какую-то книжку, а сам быстро помыл новые синие кружки, поставил на стол конфеты и фрукты, открыл шампанское.

– Ну, с новосельем! – провозгласил он, подавая Ольге бокал.

– Я – за рулем.

– Учтено! Ты хоть пригуби, а я тебе воды налью. Вот лимонад, вот минеральная вода.

– Господи, как вкусно! – Ольга сделала большой глоток шампанского.

«Если она допьет бокал – она останется у меня. Готов я к этому? – подумал Леонид и сам себе ответил: – Почему бы и нет. Правда, могу тем самым испортить отношения с Мезенцевым».

– Шампанское хорошее! – Ольга протянула бокал: – Можно еще?

– Конечно, с удовольствием. Мне тоже показалось, что неплохое.

– А с конфеткой как вкусно! – покачала головой Ольга, надкусывая трюфель.

– А с шоколадом и грушей!

– Это обжорство! – Ольга еще отпила шампанского.

«С шампанским я придумал удачно!» – Леонид удобней устроился в кресле и предложил:

– Слушай, давай плюнем на все эти пакеты, – он указал в сторону прихожей, – завтра после работы все сделаю. Давай просто поболтаем. Мы же ни разу с тобой не вспоминали наше дачное детство.

– Давай, – кивнула головой Ольга, и ее чуть рыжеватые волосы взметнулись.

– Кстати, тебе ужасно идут веснушки. Я даже не замечал их раньше.

– А раньше их не было. Они появились совсем недавно. Мне тоже они нравятся. Теперь. А поначалу очень переживала.

– Зря, очень идет тебе. Ты вообще изменилась.

– Ты мне уже это говорил. Только не сказал, в какую сторону.

Ольга весело посмотрела на Леонида. Было заметно, что шампанское сделало свое дело.

– Это же очевидно – в лучшую.

– Приятно слышать, – она улыбнулась, – но надо сказать, что раньше меня как-то мало интересовали такие вещи.

– Я знаю. Наверное, поэтому и не распространялся на эту тему.

– А ты и в детстве был очень красивым, и сейчас красивый. В этом смысле ты не меняешься!

– Спасибо, но я никогда не считал себя таким. Красивым. – Леонид притворно смутился.

– Будет тебе, считал. И брось притворяться. Я-то тебя знаю сто лет.

– Я не притворяюсь, – отрицательно покачал головой Леонид. – Я иногда думаю, что меня не так воспринимают.

– Воспринимают, может, и не так. Но видят тебя таким, какой ты есть, – сообщила Ольга и тут же, без перехода, заявила, протянув бокал: – А можно еще шампанского?

- Конечно, – улыбнулся Леонид, – я с удовольствием тоже выпью.
- Надо бы остановиться, – нахмурилась Ольга.
- Там осталось на дне. Говорить не о чем.
- И то верно, – осушив бокал, заявила девушка. – Вот мы сейчас допьем и начнем пакеты разбирать.
- Оля, да, может, ну их? – беспечно махнул рукой Леонид.
- Нет, давай все-таки сначала разберем все, а потом допьем шампанское! – Ольга решительно встала.
- Как скажешь! – Леонид послушно последовал за ней.
- Да, мы слегка переборщили, – рассмеялась Ольга, когда распаковала три почти одинаковые кружки и чайный сервиз.
- А ты не помнишь, зачем мы сервиз купили? – задумчиво произнес Леонид. – Или чашки надо было, или сервиз.
- Не переживай, – махнула рукой Ольга. – Смотри, я сохранила упаковку, а все чеки вот здесь, в столе. Можно часть покупок вернуть. Скажем, что ошиблись.
- Я без тебя не поеду опять в магазин! – воскликнул Леонид. – Я никогда ничего не возвращал и даже не имею понятия, как это делается. Меня там закроют.
- А так по твоему виду и не скажешь! – хмыкнула Ольга.
- Что – не скажешь?
- Что тебя можно заклевать.
- Я магазинов и продавцов всегда боялся, – произнес Леонид и вздохнул. – Так что придется тебе со мной опять ехать!
- Ну, если надо, значит, съездим! Хотя я так давно не занималась такими покупками и позабыла, как это непросто.
- Но мы же не покупать, а сдавать поедом, – рассмеялся Леонид.
- Покупки они разложили быстро. Ольга, заколов на макушке волосы и скинув тапочки, шустро все расставляла и приговаривала:
 - Запоминай, где что лежит! Ведь потом не найдешь!
- Леонид подавал ей покупки и, конечно, ничего не запоминал. Ему нравилось наблюдать за Ольгой. Получалось у нее все споро – вроде привезли кучу вещей, а на полках все равно порядок и полно свободного места. «Она хорошая хозяйка. Наверное, Васса Федоровна научила всему», – подумал Леонид и сам на минуту испугался этой нехитрой мысли. Он сейчас смотрел на Ольгу, как на жену, которую рано или поздно посватают к нему. «Я или идиот, или очень хитрый!» – так подумал Леонид о себе.
- Когда в прихожей вместо пакетов с покупками появилась гора пустых коробок и оберточной бумаги, Леонид выдохнул:
 - Ну, все! Хватит. Я сейчас упаду. Представляю, как ты устала!
 - Да уж! Вот теперь можно допить шампанское и заварить чаю. Крепкого.
 - Сиди, отдыхай. Я сейчас поставлю чайник, пока он будет кипеть, мы допьем шампанское, а потом я к чаю бутербродов сделаю.
 - Бутербродов не хочу, а вот за чай скажу огромное спасибо, – заявила Ольга, с наслаждением вытягиваясь на диване.

Шампанское – удивительный напиток, любое мероприятие, даже домашнюю уборку, оно превращает в праздник.

– Потрясающе вкусно. Надо запомнить марку. Я, вообще-то, не любитель спиртных напитков. Но это даже не напиток. Это – десерт. Сумасшедший десерт. – Ольга отставила бокал и посмотрела на Леонида. – Мне казалось, что ты принес одну бутылку. А их оказалось две!

– Я в последний момент взял вторую, – развел руками Леонид. – И ее положили в другой пакет. Никаких задних мыслей. Просто – новоселье.

– Да, но голова у меня дурная! И виноват ты! – рассмеялась Ольга.

– Даже не буду отпираться. Оля, слушай, уже поздно. И у меня есть предложение.

– Какое? – спросила Ольга, рассматривая сломанный в хозяйственном ажиотаже ноготь.

– Оставайся ночевать.

– Не поняла?

– Я говорю, зачем тебе домой ехать? Вернее, тебе нельзя домой ехать. Я отвезти тебя тоже не могу – опять же шампанское. Оставайся, постелим тебе на этом диване. Я или устроюсь в кухне, там тоже диванчик стоит, или к родителям поеду. Есть еще вариант, вызываем такси, и я тебя провожаю до подъезда. Потом возвращаюсь, а завтра... завтра машину надо будет все равно забрать.

– Завтра рано утром у меня тоже важная встреча. И машина ой как пригодилась бы.

– Вот я и говорю. Оставайся. Ляжешь здесь. А я – на кухне!

– Да? – Ольга как-то странно посмотрела на него: – На кухне?

– Ну, да. Ну, или к родителям.

– Я даже не знаю.

– Можно еще такси вызвать. Но здесь твоя машина. Во всяком случае, варианты есть.

Решать тебе.

– Да, решать мне, – вздохнула Ольга.

Повисла пауза, после которой Леонид со значением спросил:

– Ты боишься оставаться в моем доме?

– Боюсь, – призналась Ольга и отвела взгляд.

Леонид повернул голову в сторону окна и ничего не ответил. Пауза была сейчас очень кстати. Пауза толкала Ольгу к следующему слову, к следующему, скорее всего, решительному шагу. «Главное, не торопиться, главное, не ляпнуть сейчас что-нибудь!» – подумал Леонид и тут же произнес:

– Оля, не будь ребенком. Ты же понимаешь, мы взрослые люди... И потом, сейчас поздно. Очень поздно.

– Но я все равно боюсь. Понимаешь меня?

У Леонида екнуло в области селезенки и зашумело в голове. Сейчас происходил самый лучший вид флирта. Флирта, положительный результат которого был очевиден. Или почти очевиден. Леонид уже и не знал, насколько ему нужны отношения с Ольгой, но азарт овладел им.

– Ах, боже мой! Понимаю, но могу сказать тебе, что мы ничего не нарушаем... Оставайся? – мягко подтолкнул он Ольгу к правильному ответу.

– Даже не знаю, – в голосе Ольги слышалась ласка и грусть.

«Господи, да как же все легко!» – промелькнуло в голове у Леонида.

– Ну, вот, ты правда как маленькая девочка! – Он встал и подошел к Ольге, положил руку на волосы. – Чего же ты боишься?

Он смотрел на девушку сверху вниз и понимал, что сейчас прозвучит ответ, и после него ему будет дозволено обнять ее, поцеловать, ну а дальше...

– Чего же ты боишься? – повторил он свой вопрос, наклоняясь к ней.

– Я боюсь чертей.

– Каких чертей? – опешил от неожиданности Леонид.

– Красных. С синими ушками, – ответила Ольга, и Леонид почувствовал, как она задрожала под его рукой. Задрожала от хохота, который еле сдерживала.

Его бросило в краску, но он не успел обидеться, потому что тут же сквозь смех послышалось:

– Слушай, все это ерунда. Я сейчас позвоню Володе, он отвезет меня. А утром я приеду за машиной. А ты спокойно ложись спать. Завтра тебе на работу.

– Зачем же – Володе? Я тебя отвезу. Сейчас вызову такси! – Леонид решительно набрал нужный номер.

– Ох, нет! Я предупредила Володю, что буду в Москве и позвоню ему. – Ольга решительно взялась за свой телефон.

На следующее утро Леонид проснулся рано – у него действительно на работе были важные встречи. Эти встречи были связаны все с тем же делом, о котором так хлопотал декан, и в котором взялся помочь Мезенцев. Пока Леонид принимал душ, брился, завтракал, он сознательно не думал о вчерашнем дне. Но как только он сел за руль, выехал на проспект и встал в пробку, так все, что случилось вчера, предстало в виде большого вопросительного знака. Весь день они провели с Ольгой. Словно молодожены они хлопотали в этом новом «гнездышке», отмечали его, Леонида, переезд, болтали за полночь, пили шампанское и чай. Леонид мог поклясться, что Ольге все это нравилось. Он был уверен, что она не спешила уезжать, что она с удовольствием и даже нарочно пила шампанское, чтобы возникла эта деликатная ситуация. Но если она это делала нарочно, а уехала с Володей, который примчался через каких-то пятнадцать минут, какую цель Ольга преследовала?! Всю дорогу Леонид занимался абсолютно не мужским делом – пытался найти объяснение мелкому и, в общем-то, незначительному событию.

Только переступив порог института и погружившись в дела, которые заняли все его внимание, он перестал строить догадки, чего же добивалась Ольга. И добивалась ли она чего-нибудь.

Поздней осенью, где-то в середине ноября Мезенцев попросил Леонида приехать в гости.

– Слушай, тут Васса Федоровна затеяла пироги. Велела звать тебя обязательно. Ну и у меня к тебе есть дело.

– Хорошо, – с готовностью согласился Леонид.

За последнее время они с Мезенцевым пересекались часто, но это было на людях, исключительно по делу, и Константин Алексеевич держался сурово, разговаривал требовательным тоном и вообще выглядел грозным начальником. Леонид, которого поначалу коробила эта резкость, немного обижался, но потом нашел верный способ держаться во время таких встреч. Он как бы дистанцировался от прошлого и приказал себе воспринимать Мезенцева как полужнакомого человека. Как только Леонид убедил себя, что с этим человеком его ничего не связывает, кроме конкретного дела, так сразу же появилось спокойствие. И уже не задевал тон, немного обидные реплики, начальственное высокомерие. Интересно, что чуткий Мезенцев уловил перемены и как бы одобрил их. Леониду показалось, что Мезенцев таким образом обучал его деловому общению. «Ты же понимаешь, чем больше дистанция, тем проще тебе принимать решения в отношении того или иного партнера», – как-то обронил Мезенцев, и Леонид понял, что не ошибся. Это была своеобразная школа.

В последнее время с Ольгой они встречались часто. Но встречи эти были общекультурного свойства – два раза театр, концерт, пару раз были в кино. После мероприятия Леонид обязательно вел Ольгу в ресторан. Ему хотелось, чтобы она этот вечер запомнила, а еще хотелось разобраться в ее характере. Чем больше проходило времени, тем интереснее, любопытнее было узнавать эту девушку. «Господи, да я же вырос с ней и даже не подозревал, что она такая...» – размышлял Леонид, но точно определить «какая» не мог.

План породниться с Мезенцевым Леонид называл про себя деликатно – «стать ближе к соседям». Этот план он по-прежнему вынашивал, хотя не решался быть настойчивым и навязчивым. Он занял, скорее, выжидательную позицию, наблюдая за Мезенцевым, который все

больше и больше посвящал его в свои дела, и не упуская из виду Ольгу. Та радовалась Леониду и при этом не прекращала встречаться с Володией. «Нельзя спешить, может так получиться, что и с Мезенцевым не сработаюсь, и Ольгу упущу. А если не торопиться – есть шанс поймать двух зайцев!» – думал Леонид. Впрочем, одно обстоятельство заставило Леонида мысленно отпраздновать маленькую победу. На дне рождении Вассы Федоровны этого самого Володи не было. А он, Леонид, был и сидел рядом с Ольгой. Та, чуткая и ехидная, обронила:

– Вечер будет скучный, но так захотела мама.

Леонид промолчал, вежливо улыбнувшись, и передал Ольге заливное.

После этого дня рождения они встретились несколько раз, и при каждом удобном случае Ольга ехидно подчеркивала, что «она совершенно случайно оказалась свободна в этот вечер». Леонид на это только улыбался и благодарил:

– Я так рад, что нам удалось встретиться.

Впрочем, несмотря на насмешливость Ольги, на ее иногда весьма колкие ремарки, Леонид внезапно ощутил перемену в воздухе. И эта перемена говорила о том, что в союзниках у него появился сам Мезенцев.

И вот на эти знаменитые пироги Вассы Федоровны Леонид немного опоздал. Сделал он это намеренно, хотелось посмотреть на реакцию хозяев – как обрадуются, как Ольга его встретит. Вообще, в последнее время Леонид чувствовал себя таким шпионом, который не может поступить как ему заблагорассудится, а вынужден просчитывать последствия каждого шага. Это была утомительная манера поведения, но Леониду казалось, что он вцепился в хвост удачи и очень боялся упустить ее.

Встретили его упреками:

– Леня, я свою фирменную кулебяку никому не даю, тебя жду! А ты не спешишь! – воскликнула Васса Федоровна и тут же ойкнула: – Ну, зачем такие цветы. Спасибо, это просто не букет, а произведение искусства.

Она взяла охапку хризантем, которые ей вручил Леонид, и пошла ставить их в воду. Ольге Леонид преподнес одну розу.

– Вот, смотри! – указал ей отец. – Смотри, как приятно получать один цветок. Ты сразу видишь его красоту, его изящество!

– Папа, ты что это, поэтом вдруг стал? – усмехнулась Ольга, но розу приняла с благодарностью.

Цветок и впрямь был необычный – почти черный с фиолетовым отливом.

– Он злоедей, – нахмурилась Ольга.

– Оленька, он чудный. Он – загадка! Леня, не каждый мужчина выбрал бы такую розу. Подарили бы красную. Или белую, – со значением сказала Васса Федоровна. Она поставила вазу с хризантемами на стол и теперь ухаживала за гостями. Она разрешила кулебяку, подвинула салат дочери, положила мужу мясо.

Константин Алексеевич налил жене и дочери вино, себе и Леониду – водку.

– Вот, хорошо, что мы все здесь. Все свои. Хорошо, что у нас все в порядке, что все живы-здоровы.

– Ленечка, жаль Марии Петровны и Сергея Николаевича нет. Но в следующий раз...

– Вася, – обратился Мезенцев к жене, – дай сказать...

– Да, молчу, – спохватилась жена, которая привыкла, что муж называл ее мужским именем.

– Так вот, выпьем за стабильность. За привычные мелочи, за размеренность жизни, за отсутствие потрясений. Выпьем за покой и счастье в доме.

Леонид заметил, как усмехнулась Ольга, но усмехнулась тайком от отца.

Потом все принялись за еду, которая была отменной. Васса Федоровна была все-таки кулинаркой высшего класса.

Разговор за столом сначала шел о пустяках, потом шел о знакомых, потом пошли «дачные воспоминания», потом все вдруг наелись, утомились, расселись по диванам и креслам и, лениво перебрасываясь словами, наблюдали за осенью, которая потихоньку превращалась в зиму.

– Леня, пошли-ка, потолкуем про дела, – вдруг сказал Мезенцев, и они поднялись на второй этаж в его кабинет.

– Ну, что там декан? Доволен?

– Еще бы, Константин Алексеевич! Теперь они могут запросто в этом помещении открывать хоть магазин, хоть кафе.

– А народ «не гудел»?

– Какой? Наш? Институтский?

– Ну, да. Ты же знаешь, иным больше всех надо и они суют нос везде.

– Поговорили, конечно, но потом перестали. – Леонид покривил душой.

Дело, о котором так хлопотал декан и в котором принял участие Мезенцев с Леонидом в качестве помощника, заключалось в том, чтобы каким-то образом оформить долгосрочную аренду одного из пустующих лабораторных корпусов. Это был даже не корпус, а так, «лабаз», «амбар», но выходил этот «лабаз-амбар» фасадом на широкую улицу и был лакомым коммерческим кусочком. Формально «лабаз» принадлежал институту, но ничего, кроме столов и старого лабораторного оборудования, там не хранилось. Со стороны Леониду показалось, декан давно «облизывался» на это место, и знакомство с Мезенцевым оказалось весьма кстати. Немного связей, обещаний, встречных услуг, и вот – пожалуйста, аренда на сорок девять лет и возможность использования помещения по собственному разумению. Леонид, выступая посредником, помощником, а иногда просто курьером, не задумываясь, сколько денег это принесет декану и что за эту услугу получит Мезенцев. Он вообще о прямой выгоде не думал, а радовался возможности поработать, «покрутиться» рядом с Мезенцевым.

– Ну, это не самое тяжелое дело. Это здание требовало ремонта, то есть расходов, а теперь все это ляжет на плечи арендатора. Ему придется попотеть. Ну? А ты-то в нашей схеме разобрался?

– Ну, в общих чертах. Я же понимаю, что детали мне знать не надо, – скромно ответил Леонид.

– Ну, с одной стороны, да. Зачем тебе детали? С другой – надо понимать, какой шаг за каким идет. Но это с опытом приходит. Опыт же – со временем. А пока, вот... – Мезенцев полез в одну из тумб своего внушительного стола, звякнул ключами, чем-то щелкнул и положил на стол две пачки денег.

– Что это? – Леонид посмотрел на аппетитные стопочки купюр.

– Это твой заработок. Ты же не за просто так столько времени бегал по кабинетам.

– Так я и не бегал особенно... – Леонид не решался притронуться к деньгам.

– Послушай, это твой заработок, – нахмурился Мезенцев. – Честный. Все было сделано по закону. По правилам. Только чуть быстрее, чем удалось бы это проверить без моих знакомств. Понимаешь?

– Понимаю. Но я не заработал такую сумму, – Леонид указал на стол.

– Здесь не так много, как ты думаешь. Ваш декан, если не окажется дураком и шляпой, может каждый месяц получать с этого места в три раза больше.

– Но он что-то организует же...

– Слушай, Леонид, я все понимаю. И цену твою скромность. Но деньги ты заработал. И вообще привыкни – в этом мире каждый шаг оплачивается. Бескорыстно нужно только лечить и учить. Все остальное вполне себе коммерческие мероприятия.

– Спасибо, – Леонид наконец взял в руки деньги, – здорово. И неожиданно.

– А ты что же думал? Одного голого энтузиазма мало. И я это понимаю.

– Я думал, что работать с вами, то есть учиться у вас – это и есть награда. Я – серьезно, – искренне сказал Леонид.

– Нет, ну это само собой разумеется, – важно развел руками Мезенцев и тут же рассмеялся: – Иди вниз. Там Ольга небось заждалась тебя.

– Спасибо, Константин Алексеевич. Большое спасибо за все. И за уроки, и за помощь. Только можно я задам вам один вопрос? – Леонид сделал многозначительную паузу. Он постарался принять немного смущенный и вместе с тем искренний вид.

– Спрашивай. – Мезенцев с интересом взглянул на него, и Леониду вдруг показалось, что Константин Алексеевич видит его насквозь. Поэтому Леонид медлить не стал:

– Вот вы говорите, что Ольга заждалась, что... Одним словом, я не уверен, что Ольга уж так хорошо относится ко мне. И я бы не хотел быть навязчивым. Вы понимаете меня?

– Понимаю.

– Вам как отцу виднее, конечно. И потом, насколько я понял, вы с дочерью очень близки. Она вам доверяет, и вы являетесь авторитетом. Но все же...

Леонид не закончил фразу, чтобы Мезенцев вполне оценил услышанное. В одной фразе Леониду удалось сказать, что его отношения с Ольгой достаточно доверительны, чтобы обсуждать взаимоотношения с отцом. Конечно, это было неправдой. Ольга об этом не говорила и даже жаловалась на властность Константина Алексеевича. Но сейчас важно было, чтобы Мезенцев отметил некую связь между ним и Ольгой.

– Так что тебя интересует? Конкретно? – усмехнулся Мезенцев.

– Я не злоупотребляю вниманием Ольги? Действительно ли она мне рада? Мне бы не хотелось заблуждаться. Вы, Константин Алексеевич, не будете ходить вокруг да около. Если у меня шансов нет, вы сразу мне об этом скажете.

– Так я тебе и сказал! – ответил Мезенцев и, заметив взгляд Леонида, пояснил: – Да, думаю, рада. Очень рада. Мне так кажется. Как отцу кажется.

Пока Леонид спускался по лестнице с видом триумфатора, пока он с восторгом думал: «Деньги! Столько денег!», Мезенцев, усевшись в глубокое кресло, вслух тихо произнес: «Главное – внушить нужное!»

Прошел год. И опять была поздняя осень. Впрочем, даже не осень, а зима, которая наступила внезапно. Она не дала «отгулять» ноябрю, превратив дожди в снега, заморозив раньше обычного речки. Деревья с желтыми обледеневшими листьями напоминали декорации.

– Ох, что же это за осень, я еще хотела в саду кое-что сделать, – качала головой Васса Федоровна.

– Зато у тебя много времени для работы над книжками, – успокаивала ее Ольга.

– Васса Федоровна, вспомните дачу. Там уже в октябре никого на участках не было, – говорил Леонид.

Он теперь все выходные проводил у Мезенцевых. Никто и не понял (ну, может, кроме самого Мезенцева), как так получилось, что исчез с горизонта Олин давний знакомый Володя. Да и другие появлялись здесь все реже и реже. Никто вроде и не заметил, что все воскресные планы теперь согласовывались с Леонидом.

– Леня, приезжай сразу после работы. В пятницу. Нечего в Москве сидеть. Здесь хорошо, снег уже выпал основательный. Погулять с Олей сходите. А я поработаю с утра и обед устрою большой, – зазывала Васса Федоровна. К Леониду она относилась ровно, почти по-родственному, ничуть не волнуясь, что Ольга иногда оставалась ночевать в Москве. Это иносказательное «в Москве» – означало у Леонида. В присутствии старших Мезенцевых Ольга и Леонид вели себя чинно, не обнаруживая то, о чем все давно знали.

С приближением Нового года Васса Федоровна засуетилась.

– Хочу, чтобы Мария Петровна с Сергеем Николаевичем у нас праздник встречали. Я уже два раза с ними разговаривала, но они отнекиваются. Леня, пожалуйста, поговори с ними.

– Хорошо, – соглашался Леонид, но знал, что здесь бессилён. С некоторых пор, а именно с того момента, как он привез родителям первые деньги, полученные у Мезенцева, родители замкнулись и на все рассказы и приглашения отвечали неизменным: «Мы рады за них». За этими словами слышалось: «Мы рады за наших знакомых, но не более того. У нас своя жизнь».

– Мам, скажи откровенно, вы недовольны, что я общаюсь с ними? – как-то спросил Леонид.

– Ты взрослый человек. Тебе решать, – ответила мать сухо, – мы надеемся, что ты примешь правильные решения.

– Ты о чем?

– О своей работе. Об Ольге.

– А что – Ольга? – удивился Леонид. С работой и так все было ясно. Отец, понаблюдав за Леонидом, несколько презрительно назвал его «администратором без стола». «Есть министр без портфеля, а ты администратор без стола. Так сказать, высокооплачиваемый курьер», – сказал Сергей Николаевич. Леонид тогда обиделся. Гораздо сильнее обиделся, чем когда родители отказались взять у него первые заработанные у Мезенцева деньги.

– Так что – Ольга? – повторил он вопрос.

– Леня, а ты ее любишь? Действительно любишь? Девочка она хорошая. Да не в твоём вкусе. Она же не красавица. И чем дальше, тем будет хуже и хуже. Она в отца пошла – грубые черты лица, коренастая фигура. И хватка у нее отцовская. Ты действительно в нее влюбился? Я боюсь, что тебе больше нравится Константин Алексеевич. Его возможности, его власть. А Оля... Я хочу сказать, что дело не в ее внешности, а в том, почему ты за ней ухаживаешь. – Мать отложила кухонные дела и села напротив сына.

А сын растерялся. Он так тщательно готовился обольстить Ольгу, эту богатую и «выгодную» невесту, он так внимательно изучал ее, присматривался к ней, так дотошно следил за ее увлечениями, ее интересами. Он так упрямо окружал ее заботой и вниманием, что незаметно влюбился. Он влюбился в сочетание милой внешности, характера, силы, уверенности, какой-то внутренней решительности и... Возможностей, которые в облике Мезенцева-старшего маячили за спиной Ольги. Это последнее обстоятельство он честно признавал, но чем больше проходило времени, тем меньше Леонид думал о выгоде и тем больше – об Ольге. Теперь он был влюблен только в нее, а все остальное существовало уже в «параллельном» мире.

Этой его влюбленности способствовала строптивость Ольги, ее нежелание идти на поводу у красивого и уверенного в себе мужчины. Она раздражала его, и он забыл о своих «деловых» планах. Он увяз в этом флирте, который быстро перерос в увлечение, а потом в любовь. Леонид именно влюбился, влюбился от души. И то, что сейчас сказала об Ольге мать, показалось ему самой большой несправедливостью. Леонид не обиделся на материнские подозрения в его меркантильности, но ему стало обидно за Ольгу. Она не была красавицей. Да, в будущем она наверняка будет полной, кряжистой, основательно «прибитой» к земле, как и ее отец. Да, черты ее лица огрубеют, и она станет откровенно некрасивой, но это когда еще будет?! А сейчас она хороша – тонкая, подвижная. Она имеет чувство юмора, она умная, она столько знает и умеет держать себя так, что невозможно не обратить внимание на нее, не влюбиться в ее смех, в ее веснушчатое лицо, в ее чуть рыжие волосы, которые так быстро выгорают на солнце. Невозможно не засмотреться на ее ладную и сильную фигуру, подтянутую и энергичную.

Леонида захлестнула обида. Ладно, отец. В нем говорит какая-то ревность, какая-то настороженность. Но мать?! Мать так хорошо его, Леонида, знает, он так с ней всегда откровенен, так зачем она настолько груба в своих выводах и подозрениях?! Как она может быть такой близорукой?! И почему она не хочет поверить в серьезность их с Ольгой отношений?! «Да как же объяснить, что она мне действительно нравится?!» – думал Леонид и вдруг вспомнил

о своих планах. О своем желании приблизиться к семье Мезенцевых и получить от них или деловую помощь, или хотя бы Ольгу. Ему на мгновение стало противно, стыдно и захотелось сразу же все опровергнуть и забыть. Но пока он вспоминал начало, случилось главное – силы и желание что-то доказать матери исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.